

А.П.ХМЕЛЬНИЦКАЯ

СПАСЕННОЕ ДЕТСТВО

СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

А.П.ХМЕЛЬНИЦКАЯ

СПАСЕННОЕ ДЕТСТВО

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1987

ББК 63.3(2)713
Х65

Рецензент: доктор педагогических наук
профессор Ю. В. ГЕРБЕЕВ

Хмельницкая А. П.

Х65 Спасенное детство.— М.: Моск. рабочий, 1987.—
128 с.— (Страницы героической истории).

В тяжелейшие годы восстановления жизни страны после гражданской войны и империалистической интервенции Советское правительство, спасая от гибели тысячи сирот, создавало детские дома. В книге показаны забота В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, Н. К. Крупской об осиротевших детях и огромная помощь в этом деле московских рабочих. Рассказывается об организации жизни и быта воспитанников, их подготовке к самостоятельному труду и активному включению в строительство нового общества.

Для массового читателя.

Х $\frac{0505030103-122}{M172(03)-87}$ 92—87

ББК 63.3(2)713
9(С)23

© Издательство «Московский рабочий», 1987 г.

НАС ВОСПИТАЛА РОДИНА

Сверкает огнями Колонный зал Дома союзов. Заполнены ряды кресел. Слышны взволнованные голоса, приглушенный смех, радостные возгласы. Необычно выглядят собравшиеся, не видно в зале молодых лиц, только замерли у дверей в почетной вахте пионеры.

Идет традиционный слет воспитанников первых детских домов системы Наркомпроса Москвы и Подмосковья. Над сценой — транспарант «Нас воспитала Родина». Со всех сторон страны приехали в Москву те, кого в суровые послереволюционные годы спасла от гибели, для кого стала матерью молодая Советская Республика. Здесь — люди разных профессий: рабочие и ученые, труженики сельского хозяйства и военные, инженеры и педагоги. Почти у всех на груди ордена и медали.

Вместе со страной в трудах и боях росли и мужали бывшие детдомовцы. Славный путь прошли те, кто собрался на свой слет, и те, кого уже нет в дружеских рядах.

О каждом можно рассказать немало. Вот стоит майор милиции в отставке Николай Сергеевич Морозов. Сын летчика гражданской войны. В раннем детстве лишился он отца и матери. В четырех детских домах прошли его детские и отроческие годы. А потом учеба, ра-

бота и долгие военные дороги. Сражался на Хасане и Халхин-Голе, в снегах Карелии и на фронтах Великой Отечественной войны рядовой Николай Морозов. За его плечами в послевоенные годы два института — энергетический и инженерно-строительный, трудная и почетная служба по охране порядка страны. И на заслуженном отдыхе он продолжает работать строителем.

Александра Михайловна Громцева не может доехать до Дома союзов. Но ее вспоминают бывшие воспитанники Сергиевской и Бурышкинской детских колоний. Да и не только они. Имя этой мужественной женщины известно многим москвичам. Многие месяцы голодных 1919 и 1920 годов провела Шура Громцева вместе с сестрой и братьями в детских домах. Там закладывались ее стойкость, умение переносить любые невзгоды. А невзгоды были не за горами. Став педагогом, девушка добровольно поехала учительствовать в далекое карельское село. И — непоправимое несчастье: застал на озере буря, Шура вмерзла в лед, чудом была обнаружена, но ноги спасти не удалось. Девушка не сдалась, сумела окончить педагогический институт, тридцать лет отдала школе. А уйдя на пенсию, Александра Михайловна создала на общественных началах для своих бывших учеников, их детей музыкальный кружок. Не пустует ее квартира, до ста двадцати поздравлений получает она к каждому празднику.

Вот радостно приветствуют друг друга бывшие воспитанники первого пионерского детдома на Красной Пресне Иван Иванович Кунеев и Мария Николаевна Гаврилова. И у них за плечами славно прожитая жизнь. Иван Иванович сорок два года проработал учителем физики. Перерыв был только во время Великой Отечественной войны. Тогда летчик Иван Кунеев попал в плен, но сумел на вражеском самолете вместе со своими товарищами перелететь линию фронта и вернуться в Крас-

ную Армию. Мария Николаевна, свыше тридцати лет проработавшая режиссером на Центральной студии документальных фильмов, свой гонорар за один из фильмов полностью перевела в Фонд мира.

В одном из московских детских домов прошло детство Галины Измайловой. Прямо из стен детдома пришла она на кондитерскую фабрику «Красный Октябрь» и отдала ей всю свою трудовую жизнь, стала одной из лучших ее работниц.

По-разному сложились судьбы тех, кого воспитали наши первые детдома, разными путями шли они по жизни. Но всех объединяло и объединяет до сих пор одно — горячая благодарность Советской Родине, спасшей их от голода, бездомности, сиротства, чувство неиссякаемой признательности к тем, кто заменил им родителей, помог обрести дружную семью.

И эти чувства звучат в словах выступавших на слете.

Читает свои стихи бывший воспитанник детдома поэт Александр Филатов:

Я не познал
Родительских напутствий,
Ни матери не помню, ни отца.
На Серпуховке, в бывшем захолустье,
Теперь едва ли помнят сорванца.
Давно забыты чердаки и крыши,
Забята беспризорная родня.
Но помню дом,
Откуда в люди вышел,—
Он был отцовским домом для меня.

Проникновенно и просто говорит с залом выросшая в детдоме народная артистка СССР Анастасия Павловна Георгиевская:

— Честно говоря, часто задумываюсь над тем, как вообще сложилась бы моя жизнь, если бы не Советская власть. Ведь я осталась без родителей в три года. Ро-

дине я обязана всем. Мне, бывшей беспризорнице, она дала возможность жить, получить образование и счастье работать в театре.

Выступает награжденная семью медалями и званием «Отличник народного просвещения» Прасковья Павловна Попова:

— Почти двенадцать лет я жила в детских домах. Меня воспитала и вывела на широкую светлую дорогу моя советская Родина, которая спасла от нищеты и горя десятки тысяч детей и заменила им, маленьким сиротам, и отца и мать, дала хороших друзей и научила жить с пользой для своего народа, любить людей труда и сам труд. Поэтому всю свою сознательную жизнь я отдала воспитанию детей, работала в трудколониях, детдомах и школах.

Приветствуют слет представители Министерства просвещения, Центрального Комитета ВЛКСМ, рабочие московских заводов. Взрывом аплодисментов встречено появление на сцене поэта Александра Жарова, того, чьи песни слились у детдомовцев с днями детства, пионерских походов. И весь зал поет «Взвейтесь кострами, синие ночи...».

Слово берет председательствующий Иван Петрович Мудрагей — тоже бывший воспитанник детдома. Он инициатор созыва слета. Это его усилиями собраны в Колонном зале люди из разных городов и сел. По-особому теплы его слова:

— Мы сегодня хотим поздравить с 85-летием одного из старейших воспитателей детских домов Константина Федоровича Орлина.

Снова гремят аплодисменты. К сцене с цветами в руках подходят бывшие воспитанники Константина Федоровича. Среди них и автор этой книги, чье детство и отрочество тоже прошли в детском доме. А в президиуме поднимается седовласый, по-юношески стройный чело-

век. Ордена Ленина и Трудового Красного Знамени сверкают на его костюме. Вся жизнь Константина Федоровича была отдана воспитанию детей. С юности он готовился стать учителем, но в годы гражданской войны вступил в ряды Красной Армии. А с 1921 года связал свою судьбу с детскими домами. Больше всего работал в Щелковском детском поселке «Юная республика». Прошли десятилетия, но не забывают «юнресовцы» своего любимого воспитателя, идут к Константину Федоровичу со своими радостями и горестями, приводят своих детей и внуков. И вот теперь — торжественное поздравление.

Дрожит от волнения голос читающей приветственный адрес воспитанницы К. Ф. Орлина — педагога, первоце-линницы Антонины Ильиничны Гурджиевой:

— Наша «Юная республика» была страной счастливого детства, источником света и тепла для тех, кто в ней жил... Вы научили нас трудиться, любить и беречь природу, быть во всех делах и поступках прямолинейными, честными и правдивыми... Вы своей жизнью достигли на земле самого высокого полюса — полюса доброты. Ваш полюс доброты мы пронесли через всю жизнь и передали его нашим детям, внукам и правнукам».

Поздравлявшие Константина Федоровича с любовью и благодарностью называют имена и других воспитателей детпоселка — Наталии Анатольевны Шумовой, Петра Лукича Сурикова, врача Павла Эмириковича Станевича. Теплые слова сказаны о завпоселком Николае Никитовиче Козыреве — рабочем-печатнике, революционере-подпольщике по кличке Фома, политкомиссаре гражданской войны. Вспоминают бывшие детдомовцы, как полагающийся ему персональный продовольственный паек Николай Никитович отдавал детям.

Говорят о своих воспитателях и бывшие воспитанники других детских домов. Немало было среди тех, кто

отдал свои силы благородному делу воспитания сирот, рабочих фабрик и заводов Москвы. С благодарностью вспоминают выступавшие московского рабочего-металлиста Ивана Матвеевича Курочкина — одного из создателей и в течение долгих лет бессменного директора Малаховского детского городка. Самоотверженно помогали ему тоже перешедшие от станков в детдома текстильщицы Елизавета Вязьмитина, Мария Субботина, Марфа Осипова. А бывшие воспитанники Тучковского детского дома рассказывают: «Заведующей у нас была Марта Андреевна Кнутсон, милая, удивительно ласковая и справедливая женщина. Мы все звали ее «маменька». И она действительно была для нас всех, маленьких сироток и полусироток, мамой. На кухне и в столовой управлялась добрая старушка Матильдушка. У нее были удивительные глаза и улыбка. Мы все понимали, что она нас очень любила. Она была для всех нас любимой бабушкой».

Слет подходит к концу. Смотришь на счастливые лица собравшихся, слушаешь их взволнованные слова, и невольно мысли возвращаются к тем, теперь уже далеким временам, когда в труднейшие годы первых лет Советской власти молодая Советская Республика нашла силы взять на себя заботу об осиротевших детях. Вернемся мысленно в прошлое. Посмотрим, как началось это благородное дело.

УСЫНОВИЛА РЕСПУБЛИКА

ЭТО БЫЛО СПАСЕНИЕМ

Шли первые месяцы становления Советской власти. Создавала новый аппарат управления молодая республика. В руки Советов переходили все отрасли народного хозяйства, просвещение, культура, система социального обеспечения. В ведение Наркомата социального обеспечения были переданы все детские учреждения, в том числе старые приюты — государственные и монастырские. С июня 1918 года началась постепенная передача приютов в систему Народного комиссариата просвещения¹. Этот процесс продолжался до 1919 года.

Поистине жалкое существование владели приюты при царизме и при Временном буржуазном правительстве. Содержались в них дети-сироты, и содержались прямо-таки нищенски — в грязи, голоде, без медицинской помощи, в качестве воспитательных методов применялись жестокие наказания. Подростки, особенно в монастырях, выполняли тяжелую физическую работу, использовались как бесплатная, безропотная прислуга. Школьного обучения, по существу, не было.

Советская власть переселила детей из жалких лачуг в красивые, удобные здания. Монастырские приюты были вообще ликвидированы. Изъято из обращения само слово «приют». Его заменило наименование — «детский дом». К началу 1918 года в Москве действовало 39 дет-

ских домов, где воспитывалось около 2 тысяч детей².

Резко изменилась система воспитания в детских домах — были отменены телесные наказания, карцеры. Начались регулярные школьные занятия. Дети получали хорошие продукты, одежду, мебель, игрушки.

Но впереди были суровые годы, годы тяжелейшей борьбы с интервентами и белогвардейцами. Вместе с величайшим напряжением сражений на фронтах, разрухой пришло в страну ни с чем не сравнимое горе — сиротство, бездомность, голод, болезни, растущая смертность детей. Надо было спасти детство, спасти будущее Советской Республики. Надо было расширить сеть детских домов.

Как ни ограничены были средства Наркомпроса, Московского Совета, но количество детдомов в Москве и Подмосковье в годы гражданской войны росло. В 1918 и в начале 1919 годов здесь было открыто 84 детских дома, вместивших свыше 14 тысяч детей³. В детские дома помещались сироты, полусироты, в первую очередь дети тех, кто отдал свои жизни, здоровье в боях с врагами республики. Огромную ответственность за судьбы сирот брала на себя Советская страна. А. В. Луначарский позже говорил: «Дети детских домов — невинные жертвы империалистической и гражданской войн, и их государство не может оставить без внимания. Родители этих детей, павшие в борьбе за революцию, завещали нам их, и мы обязаны не только обеспечить их материально, но и воспитать достойными гражданами социалистической республики, за которую стоило бороться и умирать.

Дети детских домов — государственные дети, для которых отцом является государство, матерью — вся рабоче-крестьянская общественность»⁴.

Изголодавшихся, больных ребятишек нужно было буквально собирать, отыскивать. Улицу за улицей, дом

за домом в Москве, в подмосковных городах и селах обходили инспекторы Московского отдела народного образования, члены Московской рабочей инспекции, работницы, комсомольцы. Проверяли все комнаты пустующих домов, поднимались на чердаки, спускались в подвалы. Подсказывали, помогали соседи:

— Посмотрите в сараях — там мы видели ребятишек.

— Зайдите в угловую квартиру — там мать умерла, а братишку с сестренкой что-то не видно. Мы проводим.

Выводили, а порой и выносили на руках обессиленных от голода, запуганных, потрясенных потерей близких детей. В специально созданных детприемниках их отмывали, кормили, оказывали первую медицинскую помощь и распределяли по детдомам.

Детские дома в то время были разных типов: дошкольные, школьные, специальные — для детей, уже соприкоснувшихся с миром преступности, санаторные и лесные школы — для больных и ослабленных. Назывались они различно — детские городки, поселки, колонии, школы-коммуны, пионердома. Все дети в детдомах учились. В Москве — в обычных школах, в сельской местности школы создавались в самом доме. Воспитатели были одновременно и учителями. А в самые тяжелые месяцы 1919 года, когда с продовольствием в Москве было особенно трудно, по решению Моссовета подростки, школьники, положение семей которых было катастрофическим, вывозились в Подмосковье: здесь создавались детские колонии. Отводились земельные участки, выдавался необходимый инвентарь, и дети под руководством воспитателей и специалистов сельского хозяйства, местных крестьян учились хозяйствовать, сами обеспечивали себе пропитание. В 1919 году из Москвы было вывезено и помещено в таких колониях свыше 14 тысяч подростков⁵.

Несмотря на неслыханные трудности войны, Совет-

ская власть изыскивала средства для спасения детей от голода.

Еще 23 сентября 1918 года Совет Народных Комиссаров принял подписанный В. И. Лениным декрет о создании фонда детского питания. «Всем Советам на местах,— говорилось в декрете,— организовать «Фонд детского питания» путем обложения населения. Размеры, формы и порядок обложения предоставляется установить Советам в зависимости от местных условий»⁶. В Москве по постановлению Московского Совета все предприятия и учреждения обязывались отчислять в Фонд детского питания 10 процентов суммы промыслового налога или стоимости самого промысла, а лица, имеющие самостоятельный доход,— половину его однодневного начисления. С частных торговцев взималось 50 процентов промыслового налога. Осуществление этих мер дало возможность значительно повысить нормы питания в детских домах. Только за первое полугодие 1919 года Моссовет выделил Московскому отделу народного образования свыше 370 тысяч рублей— 30 процентов своего бюджета, причем почти две трети этих отчислений было передано на нужды детских домов⁷.

Огромную помощь детям, в том числе и воспитанникам детских домов, оказал Совет защиты детей. Совет был учрежден 4 февраля 1919 года декретом Совнаркома, подписанным В. И. Лениным. Председателем совета стал нарком просвещения А. В. Луначарский. В совет входили представители наркоматов социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда.

Главной задачей совета стало снабжение детей пищей, одеждой, обувью, помещениями, медицинской помощью, топливом. Совету дано было право приостанавливать через соответствующих народных комиссаров действия ведомств, представители которых не входили

в состав совета, если эти действия вели к явному ущербу для детей⁸.

В годы гражданской войны все детские учреждения получали продукты питания, одежду в первую очередь после Красной Армии, причем сначала всегда обеспечивались детские дома.

Несмотря на принимаемые меры, нелегким, очень нелегким было в то время положение детдомов. Скучным, подчас просто полуголодным было питание. Не хватало топлива, одежды, мебели, посуды. И все же жизнь, здоровье детдомовцев были спасены. Не возникло в московских и подмосковных домах опустошительных эпидемий, резко снизилась детская смертность.

Шла к концу борьба с интервентами и белогвардейцами, освобождены были от врага южные и восточные районы страны. И открылась здесь потрясающая картина человеческого, особенно детского, горя, сиротства, бездомности, буквального вымирания — страшного наследия нашествия интервентов. Задача спасения детей стала еще более насущной. Нужны были еще более решительные меры.

27 января 1921 года при президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета была образована специальная комиссия по улучшению жизни детей. Позже ее стали называть Деткомиссией. В комиссию вошли представители ВЦСПС, ВЧК, Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомпрода, Рабоче-крестьянской инспекции. Председателем комиссии был назначен Ф. Э. Дзержинский. Уже одно то, что именно Феликсу Эдмундовичу было поручено спасение детей, говорило и о необычайной важности этого дела, и о том, что оно передано в надежные, верные руки. А. В. Луначарский тогда писал: «Я был бесконечно обрадован, когда узнал, что Ф. Э. Дзержинский с его неукротимой энергией и его

золотым сердцем согласен взять на себя общее руководство таким органом»⁹.

Цель комиссии — изыскать новые средства и силы для улучшения жизни детей, всецело содействовать органам, непосредственно ведущим работу по охране их здоровья и воспитания. К деятельности комиссии по инициативе Ф. Э. Дзержинского широко привлекались профсоюзы, комсомол, женотделы, органы ВЧК, Рабоче-крестьянской инспекции. Перед ними ставилась задача выяснить положение детей на местах, прежде всего тех, кто остался без родителей, без крова, стал беспризорным, проверить состояние детских домов, неукоснительно следить за выполнением декретов о детском питании, всемерно помогать отделам народного образования в организации распределителей и детских домов.

По данным Деткомиссии, в стране после окончания гражданской войны было до четырех миллионов детей-сирот и около полутора миллиона детей из разоренных, голодающих семей. Новые детские дома создавались во всех городах и губерниях. Расширялась их сеть и в Москве и Подмосковье. Трудящиеся Москвы пришли на помощь тем районам, где положение было особенно трудным, принимали в детдома детей из разных, иногда отдаленных мест. В 1921 году количество детдомов в столице и губернии было доведено до 269, в них воспитывалось около 140 тысяч детей¹⁰.

По предложению Ф. Э. Дзержинского над всеми вновь создаваемыми детскими домами устанавливалось шефство предприятий, советских учреждений, частей Красной Армии. Увеличено было количество приемников-распределителей для бездомных детей, создана сеть специальных детских лечебно-профилактических пунктов. Глубоким гуманизмом, любовью к детям была проникнута вся деятельность Деткомиссии. Она призывала все организации воздействовать на детей лаской, отно-

Беспризорные дети. 1924 г.

ситься бережно даже к тем, кто невольно стал на путь нарушения законов. «Для детей в Советской России нет ни судов, ни тюрем»¹¹, — напоминала Деткомиссия в одном из своих обращений ко всем исполкомам Советов и уполномоченным по борьбе за улучшение жизни детей.

Но еще одно испытание предстояло выдержать молодой республике. Страшный голод — следствие губительного неурожая 1921 года — охватил Поволжье, Южный Урал и некоторые губернии Украины. Неслыханные по своей тяжести бедствия обрушились на население голодающих местностей. Советское правительство приняло экстренные меры для их спасения. При ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим

(Помгол) под председательством М. И. Калинина, соответствующие комиссии на местах.

Московская губернская комиссия Помгола в июле 1921 года обратилась с воззванием ко всем гражданам Москвы. «Над страной носится всесокрушающий смерч голода,— говорилось в воззвании...— Миллионы людей гибнут в невероятных мучениях, миллионы людей неминуемо обречены на смерть... Залог победы над бедствием — наша общая помощь. Все, как один, и один, как все, должны встать на помощь голодающим»¹². Жители Москвы и Подмосковья горячо откликнулись на этот призыв — сдавали в фонд помощи продовольствие, одежду, обувь. Рабочие Москвы трудились сверхурочно, отдавая заработанное комиссии Помгола.

Прежде всего Советское правительство спасало от угрозы голодной смерти детей. И здесь большую роль сыграла Москва. Она широко открыла двери для голодающих ребятишек, взяла на себя заботу об их излечении, здоровье, воспитании.

С начала 1922 года в Москву стали прибывать первые поезда с голодающими детьми из Чувашии и других губерний. Встречали их большие группы московских рабочих, комсомольцев. Темнело в глазах при виде прибывших даже у привыкших ко всему людей. В вагонах лежали донельзя истощенные дети. Мало кто из них мог сам подняться. На руках, на носилках выносили исхудавших малышей, направляли в специально созданный Московский центральный приемник, подкармливали, подлечивали и распределяли по детским домам. Через приемник прошло 17 566 ребятишек. «Всех их,— говорил Ф. Э. Дзержинский,— Москва сберегла, полуживых выходила... Целую армию детей-сирот Москва оставила у себя, продолжает воспитание и образование их, невзирая на свои хозяйственные недостатки»¹³.

Все силы отдавали трудящиеся Москвы для спасения

голодающих детей. Рабочие, красноармейцы, служащие добровольно отчисляли для них часть своего заработка. На эти средства, а также на отчисления от бюджета Моссовета создавались новые детские дома. Даже воспитанники московских детских домов добровольно отдавали голодающим ребятишкам часть своего пайка. Все платья, белье для ребятишек новых детдомов безвозмездно шили московские работницы, трудясь сверхурочно, по вечерам и даже ночам. Самоотверженность, доброта москвичей не пропали даром: голодающие дети были спасены.

К концу зимы 1922 года в Москву приехали делегаты от чувашских крестьян. Они побывали в тех детских домах, где содержались дети из Чувашии, и были радостно, до глубины души потрясены: их встречали здоровые, веселые, опрятно одетые дети. Сопровождавшая делегатов работник Наркомпроса А. Д. Калинина вспоминала: «После долгого безмолвного восторга с застывшими на глазах слезами радости и благодарности, они воскликнули: «Рабочие Москвы создали дворцы для наших детей!»¹⁴

Когда голод отступил, большинство детей вернулось в родные места. В Москве остались лишь сироты или те, родителей которых не удалось отыскать.

Но трудные для Москвы времена по спасению детей еще не кончились: 1922 и 1923 годы были годами постигшего наводнения столицы беспризорными детьми, подростками со всех концов страны. Трудно сказать, почему именно Москва стала притягательным центром для обездоленных ребят. По-видимому, для большинства значение имели слухи о том, что в столице детей ждет спасение. Эти слухи, перераставшие порой в легенду о сравнительно хорошей жизни в московских детдомах, проникали в самые отдаленные уголки страны и настойчиво звали в путь. Всеми правдами и неправдами, за-

мерзая и голодая, на крышах поездов, под вагонами, пешком пробирались беспризорные дети в Москву. Вокзалы, заброшенные дома, подвалы, чердаки, асфальтовые котлы заполняли измученные, больные, изголодавшиеся, оборванные, грязные ребятишки. Они окружали здание Московского отдела народного образования, детских приемников, прорывались в действующие детдома. А детдомов, приемников катастрофически не хватало. Всю массу беспризорных вместить они не могли.

Была еще одна большая сложность. Стремились в Москву, казавшуюся издали сытой, не только те подростки, которые хотели попасть в детские учреждения, но и те, кто уже был заражен «уличной вольностью», те, кто встал на путь нарушения законов. С ними приходилось еще труднее: психика их была уже надломлена.

Беспризорность — огромное, но поправимое социальное зло. Однако «ужасы беспризорщины» всячески раздували буржуазные западные газеты, пытались даже видеть в ней прямую угрозу самому существованию Советской власти, внушить, что все беспризорные дети — «поголовные преступники». Отзвуки этих клеветнических измышлений проникали в среду обывателей. Некоторые теоретики-педагоги тоже утверждали, что большинство беспризорных испорчено бесповоротно. Появился даже термин «морально дефективные дети».

Горячо и страстно возражали таким скептикам лучшие советские педагоги.

Н. К. Крупская сами слова «морально дефективные дети» называла повторением буржуазных домислов. Антисоциальные привычки беспризорных детей и подростков, говорила она, — это следствие того, что они долгое время жили в тяжелых условиях борьбы за существование, в атмосфере разврата, что они задавлены жизнью, исковерканы. Есть силы, возможности у Советской Рес-

публики, утверждала Надежда Константиновна, чтобы преодолеть это тяжкое наследие войны и разрухи. «Нужна большая чуткость, громадный такт, наблюдательность, готовность прийти на помощь, поддержать, заставить звучать громче струны общественного инстинкта...», уважать их человеческое достоинство, их личность, учиться подходить к ним. «Надо помочь ребятам, на которых всей тяжестью обрушились невзгоды жизни, надо помочь им подняться, на эту работу должны идти лучшие люди... Беспризорные, брошенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской Республики»¹⁵.

О том же говорил замечательный педагог А. С. Макаренко, работавший с бывшими непризорниками: «Все эти ребята в подавляющем большинстве вовсе не поклонники непризорного несчастья, все они хотят учиться, все хотят работать, все хотят спать в чистых спальнях, все хотят быть настоящими людьми. Я утверждаю, что это совершенно нормальные люди, уличные привычки которых ликвидируются довольно быстро при хорошей работе педколлектива»¹⁶.

Будущее показало, как глубоко правы были Н. К. Крупская, А. С. Макаренко и все те, кто поддерживал их в теории и на практике.

Но в то время для ликвидации бедствий непризорности требовались решительные меры, объединенные усилия всех организаций, всех советских людей.

Через «Правду» 7 марта 1923 года с призывом напрячь все силы для ликвидации непризорности обратилась Н. К. Крупская. «С этой бедой надо бороться по всему фронту,— писала она,— тут надо напрячь все силы страны, сделать ликвидацию этой беды делом всей организованной части населения, втянуть в дело и советские органы, и женотделы, и РКСМ, и всех тех, кто может быть в этом деле полезен... Шефство над непри-

зорными ребятами должно стать одним из важных шефств». Надежда Константиновна советовала различать беспризорных детей и беспризорных подростков. С детьми проще, размышляла она, если мы их накормим, приютим и обласкаем и широко откроем для них двери школы, то мы сделаем все или почти все, что нужно. Сложнее с беспризорными подростками — у них уже сложились недоверие к людям, озлобленность, замкнутость. К ним нужен особый подход, надо сломить «лед недоверия», отнестись по-товарищески, как к равным, найти интересную работу, которая направила бы в правильное русло их энергию, инициативу, создать такую среду, где бы они могли почувствовать себя на месте, где бы вся окружающая обстановка парализовала их антисоциальные привычки¹⁷.

Это была программа борьбы с беспризорностью. Советы Надежды Константиновны осуществлялись по всей стране. Но, конечно, главная тяжесть легла на москвичей.

В июле 1922 года при Московском отделе народного образования была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями малолетних и несовершеннолетних — ДЧК МОНО¹⁸. Комиссия обладала правами административного органа, была наделена чрезвычайными полномочиями, могла использовать всю имеющуюся в Москве сеть детских учреждений, изыскивать пути для открытия новых детских домов.

При комиссии организованы специальные дружины — из рабочих, студентов, медиков, чекистов, работников милиции. Большую роль должен был сыграть комсомол. Н. К. Крупская говорила, что комсомольцы будут встречены беспризорными подростками с бóльшим доверием, чем официальные лица, — ближе по возрасту, по привычкам¹⁹. Так оно позже и получилось. Москва была

разбита на участки, выявлены места, где ютились беспризорные. И снова, как в 1919 году, пошли дружинники по вокзалам, чердакам и подвалам.

Самоотверженно работали дружинники. Газета «Рабочая Москва» в те дни писала о них: «Москва не справилась бы с беспризорными, если бы не дружинники. Они подняли на свои плечи тяжелое наследство голодовки и вывели дело на правильный путь. Работали они день и ночь, отправляясь с вечера в обходы, заболевали нервным расстройством от ужасной картины голода и нищеты, заражались тифом»²⁰.

Но трудности на этом не кончались. Потоки прибравшихся в столицу малолетних беженцев не иссякали. На место устроенных детей и подростков в приемники, больницы, детдома прибывали все новые и новые. Еще с одним препятствием встретились дружинники: не все беспризорные охотно соглашались расстаться с уже ставшими привычными для них условиями, некоторых засасывала стихия улицы. При появлении дружин они разбегались, прятались, а случалось, оказывали сопротивление. Были сделаны попытки с помощью милиции проводить рейды, насильно забирать беспризорных в приемники, но из этого, по существу, ничего не вышло, большинство подростков убегало. Силой ничего добиться было нельзя. Искали иные пути подхода к этим несчастным, одичавшим ребятам. Вот тут-то и сказалась роль комсомола, молодежи.

...На пустыре, у полуразрушенных домов и сараев появилась группа молодых парней. Быстро расчистили они место для городошной площадки, загремели биты, веером разлетались чурки. Смех, шутки. А из подвалов начали выглядывать чумазые, оборванные подростки.

— Эй, не бойтесь, подходите! — кричали им городошники.

— А закурить дадите?

— Дадим, вылезай.

Робко один за другим подходили беспризорники. Дружинники-комсомольцы, а это были они, приветливо встречали ребят.

— Попробуй покидай.

— Руки отвыкли!

— Ничего, привыкнут. Ну, смелей.

Поиграли, расположились на траве. Завязались разговоры, расспросы. Дружинники приходили не раз, не два, рассказывали о себе, о том, что происходит в стране, читали вслух газеты. Шаг за шагом, завоевывали они доверие своих новых знакомых, по одному, по два отвлекали от улицы, уговаривали начать новую жизнь.

...Александровский (Белорусский) вокзал — одно из мест особого скопления беспризорников, пришлось выделить для них один из залов ожидания. Сюда и собирались они на ночь. Как-то под вечер в этом зале появилась группа дружинников, на удивление с гармошкой.

— Ребята, на этот раз мы вас звать никуда не будем,— сказал бригадир,— да пока и некуда: приемники переполнены. Мы сегодня хотим поговорить с вами о другом. Знаете ли вы, что творится в мире? Нет? Ну, вот мы вам и расскажем.— И для беспризорников была прочитана популярная лекция о международном положении. Большинство слушало затаив дыхание.

— А теперь попоем,— сказал дружинник с гармошкой.— Ну, подпевайте.

Сначала несмело, потом с охотой влились голоса в хор. А потом раздались просьбы:

— А теперь я спою.

— А я стихи знаю.

Забывшее, отнятое детство дало о себе знать. Долго продолжался импровизированный концерт. Расстались друзьями²¹.

...Торжественно, радостно праздновала Москва 1 Мая

1923 года. Заполнены улицы нарядными колоннами. Гром оркестров, песни, смех... Вот идут принаряженные, с букетами искусственных маков детдомовцы. И вдруг из подвала, почему-то попарно вылезают беспризорники и пристраиваются к праздничной детдомовской колонне. С ними — девушки-дружинницы.

— А ну, принимайте новеньких в свои ряды! — кричат они воспитанникам детдомов. — Скоро эти ребята станут вашими товарищами.

— Давай, становись, — охотно загалдела детвора. — Вот, держи цветы. Идем с нами.

Это была первая демонстрация беспризорников, после их отвели в МОНО, как следует угостили. Эти ребята от приемников уже не отказывались²².

Постепенно входили заброшенные ребята в новую жизнь. И очень часто стимулом становилось оказываемое подросткам доверие, уважение, о необходимости которых говорила Н. К. Крупская. Сама Надежда Константиновна позже вспоминала рассказ одного бывшего беспризорника. Вначале дружинники одного из московских клубов, видя, что он приходит смотреть игру, уговорили его поиграть в футбольной клубной команде. «Но настоящий перелом произошел в нем, когда он прочитал объявление, в котором завклубом приглашал нескольких ребят, и его в том числе, прийти обсудить вопрос о том, как лучше организовать игру. То, что и с его мнением считаются, что оно нужно кому-то, задело его, вовлекло в работу, и он бросил свою прежнюю жизнь»²³.

В сложном деле перевоспитания детей и подростков, измученных, зачастую морально травмированных беспризорщиной на помощь органам народного образования пришел славный отряд чекистов. По инициативе Ф. Э. Дзержинского стали создаваться трудовые колонии-коммуны ОГПУ. Помещались в них подростки-пра-

вонарушители из беспризорников. Деятельность трудкоммун с их перековкой трудом стала целой эпохой в ликвидации беспризорности, великолепным средством исправления искалеченных детских жизней.

А. С. Макаренко называл трудкоммуны «прекрасным памятником» Ф. Э. Дзержинскому, всем чекистам. Он писал, что они дали детям «самое дорогое в нашей стране — плоды революции, плоды своей борьбы и своих страданий... Главное — новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое воспитание»²⁴.

Бывший воспитанник трудкоммуны поэт Павел Железнов написал в наши дни проникновенные строки:

Давным-давно призвал друзей Дзержинский
всем бедам и невзгодам вопреки
спасать ребят от беспризорной жизни,
как тонущих спасают из реки.
А нас тогда тонуло

миллионы,
и надо было доставать со дна
подростков, нарушающих законы,
на клички поменявших имена.
Кто нам помог, ни в чем не упрекая,
зажег у нас в душе огонь живой?
Чекисты,

люди с чистыми руками,
горячим сердцем, хладной головой!
И по каким бы мы ни шли дорогам,
какую б ни набрали высоту,—
спасибо им,
чекистам-педагогам,
за справедливость, чуткость, доброту!

Нелегким делом стал и сам отбор, распределение беспризорников по детским учреждениям. Обычно младших направляли в детдома Наркомпроса. А вот с подростками предстояло разобраться: не все они были малолетними преступниками, не всех надо было помещать в

В санитарной комнате Покровского детприемника.

трудкоммуны. Конечно, тех, кто уже задерживался милицией за серьезные правонарушения, сразу брали под свою опеку чекисты. Основную массу ребят, собранных на вокзалах, на чердаках, в асфальтовых котлах, селили первое время в специально созданных детприемниках-распределителях. Вот здесь-то и начинался отбор. А начинался он с того, что ребятишкам старались прежде всего создать сносные условия существования — обогреть, отмыть, одеть, накормить, подлечить, дать морально отдохнуть.

В начале 1923 года комиссия МОНО обследовала работу ряда детприемников Москвы. Вот что рассказали в своих докладах члены комиссии: «Условия существования детприемников очень трудны: огромные, непригодные помещения. Детей много, разных возрастов, разных национальностей. Воспитателей мало. Работают они в сложнейшей обстановке, по существу, у них нет даже своих комнат, ночуют в клубных помещениях». И все же, отмечала комиссия, можно уже говорить о неплохих результатах.

В Покровском приемнике огромные «палаты под сводами» приняли вид жилых помещений, украшены гирляндами, рисунками, искусственными цветами, открыта читальня. Дети вымыты, одеты во все чистое. Есть своя больница на 300 человек. Весело была отпразднована встреча Нового года.

Распределитель для мальчиков № 6 на 4-й Мещанской улице, по мнению членов комиссии, «выглядит как игрушка», «жизнь в нем кипит как в муравейнике», идут школьные и клубные занятия — гимнастика, пение, рисование.

Знаменательную картину увидели члены комиссии в распределителе имени Герцена. Дисциплина здесь сначала была очень невысокой, случались побеги, драки, кто-то оборвал электропроводку. Только что выданные

костюмы ребята превратили в лохмотья. И что характерно — часть воспитанников, возмущаясь, потребовала созыва общего собрания. Чувство ответственности за свою судьбу пробудилось.

— Хватит! Надо начать жить по-новому! Довольно с нас! — горячо говорили многие и требовали от других, чтобы те дали слово бросить безобразничать. Большинство дало такое обещание, а некоторые, смущаясь, признавались:

— Боюсь дать слово, на себя не надеюсь.

Это было встречено добродушным смехом и возгласами:

— Так-то честнее, чем обещать, да не выполнить.

Порядок в распределителе после собрания стал лучше. Теперь сами ребята следили за ним.

Ни об одном из распределителей Москвы комиссия не высказалась резко отрицательно. А конечный ее вывод был таков: «Работа, безусловно, налаживается и строится по верному плану. Многие еще не сделано, многое надо улучшить, но лед тронулся»²⁵.

Постепенно оттаивали в такой обстановке измученные ребяташки. Легче стало с ними разговаривать. А разговаривали подолгу, задушевно воспитатели, шефы-комсомольцы. По вечерам, у горячих печек шли нескончаемые беседы. Никто не спрашивал детей об их проступках в прошлом, просили рассказать о родителях, о детстве, о виденных ими местах. Ребята откровенничали. И выяснялось «кто есть кто», кого надо передать чекистам, а кто случайно, с голоду оступился и вполне может воспитываться в наркомпросовском детском доме. Окончательно этот вопрос решали действующая при Моссовете комиссия по делам несовершеннолетних и Центральная психологическая лаборатория при Наркомпросе.

Долгой и трудной была борьба с детской беспризор-

ностью, ее остатки сохранялись вплоть до середины 30-х годов.

Нелегким был и путь самих детских домов. Это был не только путь борьбы с материальными недостатками, но и путь постоянного поиска новых форм воспитания одиноких детей. Были и ошибки и неудачи. Но главное — спасение детей — достигнуто. Их усыновила, вывела на трудовую дорогу молодая Советская Республика.

И это был величайший гуманистический подвиг нашей партии, всего советского народа. Придало силу подвигу доброты то, что у его истоков стояли люди, имена которых навеки остались в памяти всех советских людей.

И прежде всего великое, незабываемое имя — Ленин.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Все, кто близко знал Владимира Ильича Ленина, единодушно свидетельствуют о его горячей любви к детям, о великолепном понимании им детской души. Владимир Ильич очень любил детей и умел подходить к ним. «И детишки это чувствовали и дарили его прекрасной любовью своей»²⁶, — утверждал В. Д. Бонч-Бруевич. Н. А. Семашко рассказывал: «Особенно внимателен и чуток, я бы сказал нежен, был Владимир Ильич по отношению к детям... Я поражался, как умел Владимир Ильич говорить с детьми — просто и ясно, как друг и учитель... Любовь к детям Владимир Ильич сохранил до последних дней своей жизни»²⁷.

Непрестанную отеческую заботу проявлял В. И. Ленин о детях в трудные для Советской Республики годы, стремился отыскивать все новые и новые средства, чтобы облегчить их участь, спасти от голода, сиротства, бездомности. Партийные, советские работники, рабочие,

все, кому приходилось в то время разговаривать с Лениным, вспоминают, что часто первыми его вопросами были: а как дети, что делается для улучшения их питания, помогаете ли вы им? Как обстоят у вас дела с детскими учреждениями?

Это была прежде всего забота государственная. Направляя деятельность партийных, советских организаций, решая сложнейшие проблемы внешней и внутренней политики, Владимир Ильич одновременно призывал все учреждения, всех руководящих работников не упускать из поля зрения обеспечение всем необходимым детей, неукоснительно требовал выполнения принятых в этой области решений.

Владимир Ильич был инициатором издания ряда декретов, облегчающих положение детей, — уже упомянутого декрета об образовании фонда детского питания, а в мае 1919 года декрета о бесплатном питании детей, в возрасте до 14 лет включительно. Майский декрет относился первоначально к крупным промышленным центрам 16 губерний, 12 июня того же года Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров, предписывающее местным органам изыскать возможности ввести бесплатное питание детей в других губерниях, повысить возраст получающих его до 16 лет ²⁸.

Владимир Ильич горячо поддерживал все мероприятия Советов, направленные на улучшение положения детей.

В январе 1919 года межведомственная комиссия Наркомпроса обратилась к В. И. Ленину с рядом предложений о расширении поиска средств для улучшения детского питания в Москве и Петрограде, в частности о проведении «недели голодных детей», в течение которой производился бы в сельских местностях обмен промышленных товаров на продовольствие. В. И. Ленин, ознакомившись с предложениями Наркомпроса, пишет нар-

кому продовольствия А. Д. Цюрупе: «Неделю голодных детей во всяком случае подготовить, объявить и провести надо... Может быть, еще что-либо взять и сделать для детей? *Надо бы*»²⁹.

В начале 1919 года в Саратове по инициативе местных партийных организаций образовался Совет защиты голодающих детей красных столиц. Председателем его был С. А. Королев. Одной из первых мер совета был сбор продовольственных подарков для детей Москвы и Петрограда. Получив сообщение о создании совета, В. И. Ленин 30 марта 1919 года диктует телеграмму: «Саратов. Губисполкому, копия Горисполкому. Окажите всемерное содействие (в) отправке подарков Королеву. Предсовнаркома *Ленин*». Эта телеграмма, как потом выяснилось, не была доставлена в связи с неправильным адресом. Ленин поручил Л. А. Фотиевой срочно проверить адрес. Во время проверки в Совнарком с ходатайством о поддержке действий Совета обратился Народный комиссариат продовольствия. 5 апреля 1919 года В. И. Ленин посылает вторую телеграмму в Саратов: «Вполне присоединяюсь к просьбе Народного комиссариата по продовольствию оказывать всяческое содействие саратовскому *«Совету защиты голодающих детей красных столиц»*. С своей стороны очень прошу всеми силами помочь этому *«Совету защиты детей»*. Тогда же В. И. Ленин подписал удостоверение Совнаркома, подтверждающее полномочия С. А. Королева. На удостоверении Владимир Ильич сделал приписку с просьбой ко всем советским учреждениям и властям оказывать Королеву всяческое содействие³⁰.

В марте 1919 года Центральная коллегия Российского общества Красного Креста предложила обратиться к Северо-Американскому Красному Кресту с радиограммой, содержащей просьбу оказать содействие РОКК в организации самостоятельных закупок хлеба для дет-

ских колоний вне сферы влияния Советской власти. В. И. Ленин читал проект радиোগраммы, внес поправки. Совет обороны в апреле 1919 года утвердил проект радиোগраммы, и Ленин подписал его³¹.

Владимир Ильич настоятельно требовал, чтобы все лучшие продукты питания передавались детским учреждениям. 9 августа 1918 года на заседании Совнаркома, проходившем под председательством Ленина, было по сообщению Наркомпроса вынесено решение о взятии на учет манной крупы, шоколада, какао и распределении их между детьми по особым детским карточкам, об усилении пищевого пайка для детей, об организации на местах особых складов для снабжения учебных заведений и приютов нормированными продуктами питания, а также для устройства детских столовых для беднейших слоев населения³².

20 июня 1919 года В. И. Ленин телеграфирует народному комиссару продовольствия Крымского совнаркома С. Д. Вульфсону в Симферополь: «В связи с тяжестью продовольственного положения Великороссии, громадным недостатком продуктов для питания детей, особенно больных, предлагаю все имеющиеся в Крыму фруктовые консервы, также сыр отправлять исключительно для питания больных детей севера Великороссии в адрес Компрода. О последующем срочно сообщите»³³.

В самые тяжелые годы Владимир Ильич, по воспоминаниям Н. А. Семашко, говорил: «Мы, взрослые, поголодаем, но последнюю щепотку муки, последний кусок сахара, последний кусочек масла мы отдадим детям. Пусть лучше эти тяжелые события лягут на плечи взрослых, но всячески поощрим детское население»³⁴.

И тогда, когда минули трудные времена, Ленин не оставлял своей заботы о детях, поддерживал все просьбы Наркомпроса об улучшении их жизни. В сентябре

1921 года он подписывает постановление Совнаркома «Об обеспечении детских учреждений Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата здравоохранения помещениями» и постановление Малого Совнаркома об удовлетворении ходатайства Наркомпроса об ассигновании сверхсметного кредита в сумме 86 миллиардов рублей на закупку молока для детских учреждений. 11 октября Лениным поддерживается ходатайство Наркомпроса о сверхсметном кредите в сумме 6 миллиардов 236 миллионов рублей на расходы по подвозу топлива в Москве к местам потребления³⁵.

Руководя решением проблемы обеспечения детей в общегосударственном масштабе, Ленин проявлял и непрестанную личную заботу о детях, показывая поистине образцы исключительной чуткости, внимания, не упуская ни одной возможности, пусть самой малой, чтобы хоть чем-нибудь помочь ребятишкам.

Об этой прекрасной черте Владимира Ильича говорит то, что он все лично ему присылаемые подарки передавал в детские учреждения.

Комендант Кремля П. Д. Мальков вспоминал: «Пытался Ильич плохо, нередко оставался без сахара, чая, без крупы, не говоря о мясе, масле... У меня всегда был некоторый резерв продуктов для неотложных нужд... и ни разу ни Ленин, никто из его близких не обратились ко мне за продуктами. Больше того, несколько раз я пытался сам занести что-нибудь из провизии на квартиру Ильича, и всегда дело кончалось отказом... А сколько раз, бывало, Ленину привозили или присылали любовно собранные продуктовые посылки! Слали товарищи, везли делегаты сел и деревень. И никогда Ильич ничего не оставлял себе, все передавал в школы и детские дома ребятам». После взятия нашими войсками Ростова в январе 1920 года в Москву приехал С. М. Буденный, побывал у Владимира Ильича, передал ему подар-

ки от бойцов Первой Конной Армии. Ленин взял подарки, поблагодарил Семена Михайловича, а на другой день вызвал к себе Малькова и сказал: «Вчера у меня товарищ Буденный был. Замечательный товарищ! Вот он тут продукты привез, вы их возьмите, пожалуйста, и передайте в детский дом, ребятишкам. Непременно ребятишкам»³⁶.

Характерна для Владимира Ильича посланная 7 мая 1920 года телеграмма на Туркестанский фронт Басину. «Тов. Басин! Прошу Вас, передайте мою благодарность тридцатому полку красных коммунаров Туркестанского фронта за присланные макароны и муку, которые переданы мною детям города Москвы»³⁷.

Постоянным было то внимание, интерес, с которым В. И. Ленин относился к организации и налаживанию жизни детских домов. Н. К. Крупская вспоминала: «Трудно представить себе радость Ильича, когда ему был представлен доклад относительно новых детдомов, созданных в отобранных у буржуазии особняках, об улучшении питания»³⁸.

Ленин настойчиво предлагал лучшие здания отдавать под детские дома. 16 октября 1919 года он подписал постановление Малого Совнаркома о передаче Наркомпросу для детской колонии имения Марфино под Москвой³⁹. В марте 1920 года он пишет нарком просвещения А. В. Луначарскому: «Под Питером взять ряд монастырей для помещения дефективных и *беспризорных* детей и подростков»⁴⁰.

Осенью 1918 года в связи с обострением продовольственного положения в Москве часть воспитанников детских домов решено было вывезти в более благоприятные в продовольственном отношении места. Заведующая отделом детских домов Наркомсобеса А. И. Ульянова-Елизарова пишет отношение в Управление имуществами московских народных дворцов с просьбой выделить отъ-

езжающим детям подушки, одеяла, белье. На отношении — приписка В. И. Ленина: «Очень прошу Управление имуществом московских народных дворцов удовлетворить просьбу отдела детских домов Народного комиссариата социального обеспечения»⁴¹. На каждую просьбу помочь в организации детских учреждений для сирот Владимир Ильич откликнулся горячо, охотно.

В Поволжье по ликвидации последствий голода работала Т. С. Вишневская. Она пыталась создать для осиротевших детей и детей из необеспеченных семей ясли, детские сады, но средств ни на месте, ни в Наркомздраве ей не выделили. Вишневская, знавшая по совместной партийной работе Н. К. Крупскую, обратилась к ней за советом. Надежда Константиновна предложила поехать в Горки, где отдыхал в то время Ильич, но предупредила — не затруднять его долгими разговорами. Т. С. Вишневская вспоминала, что Владимир Ильич выслушал ее и сказал: «Что ж, нужно вам помочь... Я поговорю с товарищем Семашко. Он все устроит». «Помня о просьбе Н. К. Крупской, я поднялась, чтобы уйти, но Владимир Ильич начал расспрашивать о борьбе с голодом в минувшем 1921 году. Особенно интересовался Ленин детьми — как помогали детям во время голода, много ли открыли детских домов для сирот? С удивительной теплотой говорил Ильич о том, что детей надо беречь как зеницу ока. Они наше будущее, наше богатство»⁴².

Напряженная работа, предельная занятость Ленина не помешали ему побывать в детских домах. Сохранилось упоминание о том, что Владимир Ильич вместе с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и Надеждой Константиновной Крупской посетил детдом на 3-й Тверской-Ямской улице (дом № 46, бывший особняк фабриканта)⁴³. Известно, что каждое обращение к нему, каждую просьбу детдомовцев Ленин сейчас же удовлетво-

От воспитанников детского дома имени
Ленина, станции Подсолнечная Октябрьской
ж. д.

Май 1922 г.

Милый Владимир Ильич!
Мы дети детского дома Имени
Ленина пишем Вам свой при-
вет и желаем, чтобы Вы были
здоровы. Мы очень хотим Вас увидеть
и дети. Приезжайте к нам. Наш
детский дом стоит на берегу Се-
нежского озера. Место очень кра-
сивое. Можно ловить рыбу и охо-
титься. Воздух у нас свежий, и если
Вы отдохнете и поправитесь лучше
у нас есть свежее молоко от своих
коров и мы Вас угостим, оно то-
же будет очень Вам полезно. У нас
у нас вырастет много фруктов ве-
щих и мы Вас всем, всем угостим
Мы будем Вас ждать. Желаем
Вам всего хорошего, а главное
много, много здоровья.
Дети детского дома Имени при-
ст. Подсолнечная.

Письмо от воспитанников детского дома
станции Подсолнечная, адресованное
В. И. Ленину. 1922 г.

рял, тепло отвечал на каждый знак внимания к себе со стороны ребяташек.

Бывшая воспитанница детского дома В. Домарева рассказывала: «В начале 1922 года умерла моя мать, и меня, девятилетнюю сиротку, поместили в детдом, вернее, в Домниковский распределитель в Москве. Это было тяжелое время. В нашем распределителе не было для детей-сирот ни кроватей, ни матрацев. Спали мы на полу, одно одеяло стелили, а другим покрывались.

Среди нас были и девочки постарше, которые знали, что в Горках в это время жил Ленин. И вот они решили написать ему письмо от имени всех нас и сообщить ему о наших нуждах. Письмо отослали. Но мы не ждали, что так быстро Ленин на него отзовется, тем более, что он был тогда болен. К нашему изумлению, прошло всего пять дней, и к нам привезли и кровати, и матрацы, и кое-что еще. А еще через неделю к нам приехала Надежда Константиновна Крупская, чтобы лично проверить и убедиться, все ли сделано так, как просил Ильич»⁴⁴.

Владимир Ильич очень часто получал от детдомовцев письма с приглашением приехать к ним, незатейливые самодельные подарки. На каждое письмо посылался ответ. Воспитанники детского дома на станции Подсолнечная в Подмосковье прислали в мае 1922 года письмо Ильичу: «Мы, дети детского дома имени Ленина, шлем Вам свой привет и желаем, чтобы Вы были здоровы. Мы очень хотим Вас увидеть. Приезжайте к нам. Наш детский дом стоит на берегу Сенежского озера. Место очень красивое. Можно ловить рыбу и охотиться. Воздух у нас свежий, чистый. Вы отдохнете и поправитесь...» К письму были приложены цветы. В. И. Ленин поручил отвезти от его имени детям подарки, выразить благодарность за письмо и цветы и сожаление, что он не может воспользоваться их приглашением⁴⁵.

Глубоко ценил Владимир Ильич ту искреннюю лю-

бовь, уважение, которыми были полны письма к нему детдомовцев.

Весной 1922 года он получил письмо от воспитанников одного из детских домов Вятки. «Дорогой дедушка Ильич! — было написано в письме.— Мы, пролетарские дети детского дома, шлем тебе наш горячий юный привет и скромные подарки, сделанные нами самими». Это были рисунки, папка для бумаг и другие поделки. Н. К. Крупская рассказывала, что она разместила детские подарки в большой комнате верхнего этажа дома в Горках, рядом с комнатой Ленина. «И Ильич, когда проходил мимо, взглянет, бывало, на них и улыбнется». А пионеры из другого, Вятского детского дома прислали Ленину свою стенгазету и просили, чтобы он повесил ее в своем кабинете. Владимир Ильич выполнил просьбу ребят ⁴⁶.

Для организации системы воспитания в детских домах принципиальное значение имели многие ленинские указания. Владимир Ильич считал, что это воспитание должно быть органически связано с теми задачами, которые партия, Советская власть ставили перед всей сетью образования детей и подростков. Именно поэтому он настаивал на передаче детских домов из системы Наркомата социального обеспечения в систему Наркомата просвещения. Были руководители, которые не соглашались с июньским 1918 года декретом Совнаркома, положившим начало этой передаче. В ноябре 1918 года Наркомсобес вынес на рассмотрение Совнаркома свое предложение-проект декрета об оставлении детских домов в ведении этого комиссариата. В связи с обсуждением данного вопроса В. И. Ленин представил проект постановления, который был принят СНК с незначительными изменениями. Ленин писал: «Проект декрета Комиссариата социального обеспечения отклонить... Поручить обоим комиссариатам собрать и представить в СНК

в 2-месячный срок сведения о фактическом состоянии приютов и подобных учреждений, их числе и т. п.»⁴⁷.

Итак, детские дома стали составной частью советской школы. Выполнение задач, поставленных В. И. Лениным перед школой, стало главным в деятельности детдомов. Какими же были эти задачи?

Еще в феврале 1919 года в проекте программы РКП(б) В. И. Ленин писал: «...Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм». Владимир Ильич подчеркивал необходимость проведения «бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоого пола до 16-ти лет... Осуществление тесной связи обучения с общественно производительным трудом»⁴⁸.

И позже, при переходе к мирному строительству, В. И. Ленин еще раз настаивает на осуществлении этого программного принципа. В декабре 1921 года он пишет к IX Всероссийскому съезду Советов проект наказа по вопросам хозяйственной работы. В наказе снова записано: «IX съезд считает, что задача Наркомпроса в новом периоде заключается в том, чтобы в наиболее короткий срок создать кадры специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих и предлагает еще более усилить связь школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности»⁴⁹.

Именно так, выполняя ленинские указания, стремились строить свою работу первые детские дома.

Рядом с Лениным в борьбе за спасение детей, возвращение им утраченного детства, воспитание их как достойных строителей новой жизни шли замечательные его соратники. И среди них тот, чье имя тоже очень дорого всем советским людям.

ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ

«Многое, очень многое сделал для детей этот необыкновенный человек, этот богатырь революционной творческой жизни и воли,— писала о Ф. Э. Дзержинском работавшая вместе с ним по ликвидации детской беспризорности сотрудник Наркомпроса А. Д. Калинина.— Заслуга товарища Дзержинского перед детьми велика. Этот железный и беспощадный человек по отношению к буржуазии и ко всем врагам революции, настоящий мужественный большевик, обладал необыкновенно нежным и отзывчивым сердцем»⁵⁰. Великий гуманист, скромный и добрый человек и в то же время суровый борец, чекист питал «великую и простую любовь к детям»⁵¹,— говорил о Дзержинском А. С. Макаренко.

С первых дней становления Советской власти Ф. Э. Дзержинский принимал самое горячее участие в судьбе сирот, голодающих, беспризорных детей. Сотрудница газеты «Правда» Л. И. Исупова рассказывала, как еще в начале марта 1918 года, накануне переезда Советского правительства в Москву, ответственный секретарь «Правды» М. И. Ульянова пригласила ее к себе в кабинет. Там у окна сидел Ф. Э. Дзержинский. Познакомившись, он сразу перешел к делу. Произошел такой разговор:

— Вы любите детей?

— Ну как же можно их не любить? У меня своих трое.

— Вот и прекрасно,— сказал Феликс Эдмундович.— Мы пригласили вас по этому самому важному вопросу. Нужно спасать беспризорных детей. Вы посмотрите, сколько их, больных, замерзающих, голодных бродит по Петрограду. Их нужно собирать по вокзалам, чердакам, нужно создавать детские дома, коммуны. В этом моральное спасение будущих советских граждан.

И Дзержинский предложил Исуповой найти в пригороде Петрограда особняк, брошенный бежавшими владельцами, и открыть там детдом. Исупова взялась за незнакомое ей, но нужное дело. Детский дом был открыт на станции Всеволжская. Но на месте не всегда удавалось добиться понимания. И в особо трудную минуту Исупова отправилась в Москву, прямо в ВЧК, к Дзержинскому. Дежурный сначала не хотел пропустить ее, но она просила:

— Я занимаюсь воспитанием беспризорников. Мне необходимо лично и немедленно видеть Феликса Эдмундовича.

— Работаете с беспризорниками! Так бы сказали сразу. Беспризорники — это другой разговор.

Дзержинский принял Исупову, внимательно ее выслушал, возмутился нераспорядительностью местных Советов и тут же связался с Петроградом. По возвращении Исуповой детдом в Всеволжской получил все необходимое⁵².

Феликс Эдмундович принимал близко к сердцу судьбу каждого обездоленного ребенка, спешил оказать помощь детям, которых встречал на своем пути. Сколько судеб изменили такие, казалось бы, случайные встречи.

Вот одна из них. Рассказывает ученый-генетик, академик Академии наук СССР Н. П. Дубинин.

Мальчишкой из многодетной бедной семьи, потеряв отца в начале гражданской войны, Дубинин отправился

на поиски «лучшей жизни». Он добрался до Самары, попал там в детский дом, но в 1919 году от голода сбежал из него и добрался на этот раз до Москвы. «Москва встретила нас сурово...—вспоминал Н. П. Дубинин.— Приходилось бедствовать, в буквальном смысле поби- раться, каждодневно выискивать места, где с большей вероятностью успеха можно было поесть и обогреться... И вот именно тогда, суровой зимой 1919 года, состоя- лась моя встреча с чекистами. Это произошло на бывшей Никольской улице (ныне улица 25 Октября). Сотрудни- ки ВЧК — их было несколько человек — шли с Большой Лубянки в сторону Кремля и, проходя по Никольской улице, заглядывали в асфальтовые котлы. Неподалеку от Красной площади чекисты «выгребли» хилых, замыз- ганных, перепуганных ребят, среди которых был и я». Детей привели на Лубянку. «Здесь стали знакомиться с каждым в отдельности. Рассказал о себе и я. Узнав, что я бежал из детского дома в Самаре, один из тех, кто нас привел, спросил:

— Хочешь обратно или в другой дом?..

Я не стал долго раздумывать, посмотрев прямо в лицо спрашивавшего меня чекиста, без обиняков, сразу отве- тил, что хочу поехать обратно в Самару... Взгляд этого человека, его приветливые глаза, его улыбка — все все- ляло доверие». Ребят накормили, придели и с сопровож- дающим отправили в Поволжье. И хотя Дубинин позже побывал в нескольких детдомах — больше он из них не бегал... Встреча в Москве была незабываемой. И только много лет спустя, будучи уже взрослым, Дубинин во вре- мя случайной встречи с одним из бывших чекистов уз- нал, что «вытащил» его из котла, говорил с ним Феликс Эдмундович Дзержинский⁵³.

Гигантские обязанности нес Ф. Э. Дзержинский в го- ды гражданской войны, и все же он находил время и воз- можности помогать детским учреждениям. Работники

Наркомпроса привычно шли к нему со своими нуждами и находили горячую заинтересованность и поддержку.

С непреходящей симпатией отзывался Ф. Э. Дзержинский о беспризорниках. С. С. Дзержинская приводит в своих воспоминаниях такие его слова: «Не поверите, но эти чумазые — мои лучшие друзья. Среди них я нахожу отдых. Сколько бы талантов погибло, если бы мы их не подобрали! Всеу их надо учить: и рожицу вымыть, и из карманов не тянуть, и книжку полюбить, а вот общественной организованности, мужеству, выдержке — этому они нас поучить могут. Стойкость какая, солидарность — никогда друг друга не выдадут...»⁵⁴.

В ноябре 1920 года, когда основные районы страны были очищены от врага, в южные губернии выехала комиссия женотдела ЦК и МК ВКП(б) и Наркомпроса. Ее цель — собрать продовольствие для детей Москвы и Подмосковья и одновременно выяснить, каково положение детей в этих районах. Потрясающий по своей силе доклад, правдиво рисующий увиденные бедствия, комиссия представила Ф. Э. Дзержинскому. Председатель комиссии А. Д. Калинина рассказывала: «Прочтя доклад, товарищ Дзержинский на следующий день вызвал меня к себе. Увидев меня, он воскликнул: «Как сильно я пережил все это, прочитав ваш доклад о положении детей!» Немедленно же он распорядился о созыве всех уполномоченных ВЧК для заслушивания моего доклада»⁵⁵.

Феликсом Эдмундовичем был принят ряд мер по оказанию помощи детям освобожденных районов. Он добился посылки туда врачей, медикаментов, одежды. Но этого было мало. А. Д. Калинина вспоминала: «Товарищ Дзержинский не ограничился и не мог ограничиться теми экстренными мероприятиями, которые были приняты на первых порах. Мысль о средствах и формах такой помощи детям, которая исчерпала всю детскую нужду, не покидала его ни на минуту»⁵⁶.

Так родилась у Феликса Эдмундовича мысль о создании всероссийского полномочного органа помощи детям, могущего кардинально решить этот очень трудный вопрос, о создании Деткомиссии. Сохранились об этом воспоминания А. В. Луначарского, занимавшего тогда пост наркома просвещения. Он писал: «К тому времени самые кровавые и мучительные годы остались позади. Но войны и катастрофы 1921 года оставили еще повсюду жгучие раны... В один из дней того периода Феликс Эдмундович позвонил мне и предупредил меня, что сейчас придет для обсуждения важного вопроса... «Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а, главное, сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью,— сказал мне Дзержинский.— Я пришел к этому выводу... исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них! Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Так надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности». И Дзержинский изложил свою идею создания Деткомиссии. «Я хотел бы стать сам во главе этой комиссии,— прибавил он,— я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются»⁵⁷.

В. И. Ленин поставил этот вопрос на заседании Пленума ЦК РКП(б) 26 января 1921 года⁵⁸, сам внес предложение о создании Деткомиссии при ВЦИК под председательством Ф. Э. Дзержинского. В последующее время Владимир Ильич постоянно следил за деятельностью комиссии, часто расспрашивал Феликса Эдмундовича, как идет ее работа, что сделано для улучшения жизни

детей, всячески помогал ей. Однажды на имя В. И. Ленина с юга прибыло несколько вагонов продовольствия. Их разгружали кремлевские курсанты. Ленин сказал Дзержинскому: «Феликс Эдмундович, прошу вас в первую очередь накормить детей, которые собраны вами»⁵⁹.

Весь жар своего благородного сердца Дзержинский отдавал работе Деткомиссии. Его личный вклад в ее деятельность огромен. Как бы ни был Феликс Эдмундович занят в ВЧК, в Наркомпути, он не пропустил ни одного заседания Деткомиссии, вникал в ее отчеты, руководил ее практической работой. А по ночам, после дней напряженнейшего труда, он вместе с дружинами Московской Чрезвычайной Комиссии обходил места, где скапливались беспризорники. И его руки знали тяжесть обессиленных детских тел. Он видел голодные глаза измученных ребятишек. Тут же отдавал им припрятанный свой небогатый паек. Когда Феликс Эдмундович, будучи наркомом путей сообщения, объезжал железные дороги, в его вагоне всегда отогревались, подкармливались беспризорники.

Дзержинский много занимался и непосредственными делами трудкоммун, детских домов, других детских учреждений. Его блокноты были заполнены фамилиями педагогов, врачей детсадов, яслей. В них часты пометки:

«Дети. Преодоление междуведомственных преград. Норма питания детей. Столовые. Детская обувь...»

«Успенский приют. Вобла, рыба — гнилые. Сливочное масло испорчено. Жалоб в центр не имеют права подавать. Хлеба и продуктов меньше получают».

«Ясли Басманного района. Приют на Покровке. Не хватает кроватей. Холодно. 25 грудных детей — одна няня»⁶⁰.

И за каждой из таких пометок — практическое дело, конкретная помощь. Работники МОНО вспоминают, что

Феликс Эдмундович при каждой встрече с ними обязательно спрашивал: «А как сироты в детских домах? Они все имеют? Не нужно ли чего-либо еще для них?»⁶¹

Имя Феликса Эдмундовича Дзержинского никогда не забывали те, кто с его помощью был в детстве спасен от голодной смерти или от гибельной дороги преступности. Кабинет его в ВЧК — ОГПУ украшали присланные ему детьми фотографии с трогательными благодарностями. Со всех уголков страны на его имя шли теплые детские письма. «Всероссийским попечителем о детях» называли Дзержинского бывшие беспризорники, писали, что хотят быть похожими на него, подражать ему.

Титаническая деятельность Деткомиссии, ее председателя, чекистов, всей общественности дала свои плоды. К 1923 году основная масса беспризорных обрела дома. Самое трудное было сделано. И тогда Феликс Эдмундович оставил свой пост в Деткомиссии. Дело окончательной ликвидации беспризорности, укрепления, развития детских домов продолжали замечательные люди нашей страны. И среди них Н. К. Крупская, которой детдома обязаны очень и очень многим.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА

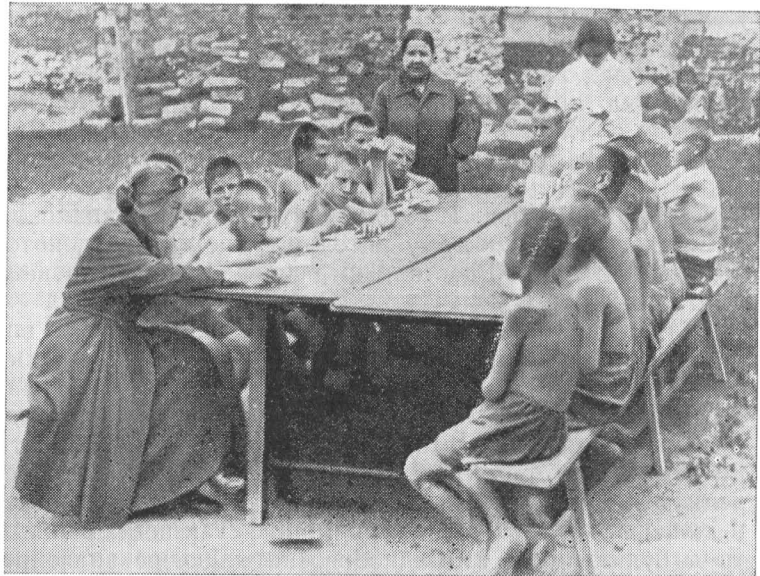
«Подлинной и мудрой вдохновительницей Наркомпроса» назвал Надежду Константиновну Крупскую А. В. Луначарский⁶². Вся энергия, способности Надежды Константиновны после победы социалистической революции были отданы делу просвещения, воспитания молодого поколения. С ее именем связано создание и развитие советской школы, образование пионерской организации, ею проводилась широкая политико-просветительная работа среди взрослых, работа по ликвидации неграмотности. Огромно педагогическое наследие

Н. К. Крупской. И в этом наследии немалое место занимают проблемы педагогики детских домов.

Можно смело утверждать, что в разработке детдомовской педагогики Надежде Константиновне Крупской принадлежит первая и решающая роль. Не было буквально ни одной стороны жизни детских домов, которая находилась бы вне ее внимания.

Развивая отпавные идеи В. И. Ленина, Надежда Константиновна определила основные задачи воспитания детей. Еще в 1918 году она писала о социалистической школе, что она должна сделать все возможное, чтобы укрепить здоровье и силы подрастающего поколения: она должна обеспечить здоровое питание, здоровый сон, удобную и теплую одежду, гигиенический уход за телом, свежий воздух, достаточное количество движения. Но не только в этом заключалась, по мысли Н. К. Крупской, забота о подрастающем поколении. Надо, утверждала она, «укрепить и углубить проснувшиеся общественные инстинкты ребенка, раскрыть перед ним, что труд лежит в основе человеческого общежития, научить его радости творческого производительного труда... дать возможность широко наблюдать общественные отношения, дать возможность научиться жить с другими, помогая друг другу, переживая сообща многие впечатления»⁶³. Это были глубоко гражданственные задачи — задачи воспитания активных участников тех великих свершений, которые предстояло осуществлять первой в мире Советской Республике. Эти мысли развивала Надежда Константиновна и в дальнейшем.

«Чем должен быть детский дом? — писала она в 1924 году. — Он должен быть учреждением, дающим ребятам возможность всестороннего физического развития, дающим детям серьезный запас знаний, умение прилагать их к жизни, дающим привычку к труду, умение коллективно жить и работать, дающим понимание жиз-

Приобщение к занятиям бывших беспризорных детей. 1925 г.

ни и умение занять в ней место полезного члена общества»⁶⁴.

«Товарищеская атмосфера, интересные занятия, время для игры, интересной и занимательной, время для творческой работы — вот что должно составлять содержание работы детского дома»⁶⁵.

Красной нитью через все педагогические труды и выступления Н. К. Крупской проходит мысль об огромном, решающем значении в деле воспитания подрастающего поколения посильного производительного труда. Такой труд Надежда Константиновна считала важнейшим в

жизни детей. Она подчеркивала, что в социалистической школе «должен быть организован производительный труд детей... Производительный труд не только готовит из ребенка в будущем полезного члена общества, он делает его полезным членом общества в настоящем». Она звала растить людей, умеющих взяться за каждую работу, приспособиться ко всякой машине, ко всяким условиям производства. И это будут люди, в одинаковой мере способные и к тому интеллигентному труду, который был до сих пор достоянием особого привилегированного слоя⁶⁶.

Надежда Константиновна советовала при выборе видов труда учитывать интересы детей, избирать такие формы работы, которые носили бы коллективный характер, пробуждали детскую самостоятельность, инициативу. Детей надо научить, говорила она, самим выбрать цель трудового процесса, обсудить план работы, распределить ее между собой, обязательно наметить и осуществить формы трудовой взаимопомощи. «Так поставленный труд будет иметь громадное воспитывающее значение, будет развивать в детях навыки организаторов жизни, а с другой стороны — приучать их к той самодисциплине, которая воспитывается... самой сущностью коллективного труда»⁶⁷.

В первые трудные годы становления детдомов Н. К. Крупская призывала воспитателей приучать детей прежде всего к труду сельскохозяйственному — в поле, на огороде, на птичнике, помогая тем самым улучшать скудное детдомовское питание. Позже, когда главные бытовые трудности детдомов остались позади, она рекомендовала труд в мастерских, посильное участие в заводской, фабричной работе, призывала вводить более разнообразные интересные виды работы. Необходимо, подчеркивала она, чтобы ребята не просто были заняты, чтобы труд не был просто механическим трудом, а

чтобы в нем было достаточно элементов творчества, чтобы труд был организован как коллективный, чтобы наряду с практическим трудом ребята получали и теоретические знания, чтобы даже профессиональный труд был пронизан элементами политехнизма, ширил трудовой горизонт ребенка⁶⁸.

Конкретные советы давала Надежда Константиновна по всем основным направлениям жизни детских домов — по налаживанию самоуправления, общественно полезной работы воспитанников, форм шефства промышленных предприятий, организаций детского досуга.

Педагогика детского дома создавалась, по существу, заново. Это был постоянный поиск, эксперименты, накопление опыта, исправление ошибок. Работники Наркомпроса, городских отделов народного образования, воспитатели детских домов на практике отыскивали лучшие формы выполнения отправных указаний. Направляла, всячески поддерживала эти искания Н. К. Крупская. «Надо делать первые шаги,— советовала она,— потом внимательно наблюдать, нащупывать почву для дальнейших шагов, смотреть открытыми глазами, не закрывать глаз на ошибки, поправлять их в процессе работы, критически относиться к своей работе...» Педагог, по словам Надежды Константиновны, «должен уметь «видеть», должен... уметь нащупывать наиболее ценные и жизненные ростки и ставить их в благоприятные условия развития»⁶⁹.

Крупская понимала всю трудность работы воспитателей детских домов, глубоко уважала их деятельность, называла пионерами нового дела, и в то же время предъявляла к ним высокие требования. Главным было требование — любить детей, понимать всю тяжесть их прошлой жизни, заменить им потерянных родителей. «На работе с заброшенными, задавленными жизнью, исковерканными ею ребятами,— писала она в 1923 году,—

надо оставить лишь живых, чутких людей, умеющих заслужить доверие ребят, умеющих подойти к ним»⁷⁰.

И такие требования к воспитателям детских домов Н. К. Крупская не уставала предъявлять постоянно. В конце 1928 года она вновь напоминала об облике воспитателей детдомов: «Это должны быть люди, умеющие жить и работать так, чтобы внушать к себе уважение со стороны всех, в том числе и ребят. Это должны быть люди, которые своей убежденностью, выдержкой, примером могут влиять на ребят, которые умеют внимательно относиться к ребятам, понимать их, уважать их личность. Тут нужны педагоги-организаторы, умеющие организовать ребят, дать простор их самодеятельности, тут нужны люди, понимающие дух, сущность коммунистического воспитания»⁷¹.

Н. К. Крупская глубоко вникала в жизнь детских домов, не пропускала ни одной возможности поговорить с воспитателями на слетах, совещаниях. Каждый воспитатель мог без труда встретиться с ней, получить совет.

Несмотря на свою предельную занятость, Надежда Константиновна находила время часто бывать в самих детских домах, даже иногда гостить по два-три дня в тех, которые располагались за городом. Бывшие воспитанники многих детдомов с любовью вспоминают эти посещения, прежде всего то истинно материнское внимание, доброту, с которой относилась Надежда Константиновна к детям. «Эта сердечная простая женщина отнеслась к нам, как родная, ласковая мать»⁷²,— вспоминала о посещении Н. К. Крупской Домниковского детприемника В. Домарева.

Хорошо помнят встречи с Надеждой Константиновной бывшие воспитанники Московского детского дома, расположенного на Серпуховской улице. Как и все детдома, находился он тогда — в начале 20-х годов — не в блестящем состоянии. Не хватало дров, ребяташки мерз-

ли под жиденькими одеялами. И вот детдомовцев навестила Крупская. Осмотревшись, она ласково пожурела ребят: «Щели-то в окнах могли бы и сами забить. Сделайте-ка это при мне. А в остальном — помогу». Дети тут же взялись за дело. Вскоре в детдом привезли новые одеяла, матрацы, дрова.

Крупская бывала в этом детском доме не раз. В один из ее приездов дети решили устроить ей торжественную встречу, с боем барабанов, звучанием горнов, с цветами. Надежда Константиновна с улыбкой взяла цветы, но тут же заметила: «А вот барабаны и горны ни к чему». А потом посадила на колени малыша и сказала: «Давай посмотрим лучше твою одежду». Одежда та была — заплатка на заплате. «Да, починено хорошо, — вздохнула она, — а заменить не мешало бы». И снова вскоре после ее отъезда привезли новые костюмы, и в подарок еще книги⁷³.

И в более поздние годы, когда жизнь в детских домах стала налаживаться, Н. К. Крупская продолжала уделять им немалое внимание. Даже самые частные случаи из жизни детдомов, о которых она узнавала, интересовали ее, вызывали желание помочь.

Вот один из таких случаев.

Около станции Балабаново летом действовал пионерский лагерь московских школьников. Пионеры занимались интересными и полезными делами, учились чинить сельскохозяйственный инвентарь в соседних селах, работали на огородах, ходили в походы. А рядом, в бывшем Пафнутьевском монастыре, размещался детский дом. Работа там велась не очень хорошо, интересных занятий было мало, и детдомовцы завидовали пионерам из лагеря. Начались конфликты, даже драки. Об этом рассказала Надежде Константиновне одна из работающих в лагере учительниц. Крупская сейчас же написала два письма: одно — к пионерам, живущим в лагере, другое — к воспитанникам детского дома. В первом она призвала

пионеров не ссориться с бывшими беспризорниками, помнить об их прошлой трудной жизни, втягивать их в свои интересные дела. А детдомовцам Надежда Константиновна рассказала, какое значение имеет пионерское движение, почему надо дружить с пионерами. Эти письма, прочитанные и теми и другими, помогли. Атмосфера изменилась⁷⁴.

Хотя Надежда Константиновна в Наркомпросе не занималась непосредственно детдомами, ее кабинет всегда был открыт для воспитателей и воспитанников детских домов. Можно было зайти к ней с любым делом.

Старшие воспитанники щелковского детского поселка «Юная республика» в конце 20-х годов задумали организовать поездку на Кавказ. Зарабатывали они деньги на экскурсию как могли: заменяли воспитателей в дошкольных группах, посылали на областные выставки свои лучшие вышивки, особенно крупные выращенные ими овощи, получали за них премии. Но денег все равно было мало. И тогда, как рассказывала бывшая воспитанница «Юной республики» Прасковья Павловна Попова — одна из вдохновительниц предполагаемой поездки, она и двое ее подруг решили обратиться к Н. К. Крупской. Девочки сразу же были ею приняты, рассказали о своих планах, показали уже разработанный маршрут.

«А зачем вы едете?» — спросила их Надежда Константиновна.

«Посмотреть горы, море, новые города. Ведь никто из нас никогда никуда не ездил».

«Посмотреть, конечно, хорошо. Но этого мало,— продолжала Крупская.— Надо, чтобы это была не просто развлекательная поездка, а поездка детей, воспитанных Советским государством. Надо, чтобы жители тех мест, где вы будете останавливаться, узнали, как живет детям в детдоме, чему вас научили. Вот вы об этом и расскажите, подготовьте также какие-нибудь интересные

сообщения по текущей политике, покажите свои концертные номера. Составьте новый план и опять приезжайте ко мне».

Девочки вернулись в детдом, коллективно обсудили то, что советовала Н. К. Крупская, снова поехали к ней уже с новым планом. На этот раз получили разрешение на дотацию. Составленный план был ими во время очень интересной поездки выполнен.

Црасковье Павловне посчастливилось еще раз встретиться с Надеждой Константиновной и опять почувствовать ее доброту, внимание. Попова с подругами в то время училась на первом курсе пединститута. Им, как бывшим воспитанникам детских домов, полагалась прибавка к стипендии. Но почему-то несколько месяцев этой прибавки они не получали. Обращения к руководству института не помогли. И девушки вновь решили пойти к Крупской. Опять они были приняты сразу. Выслушав, Надежда Константиновна пообещала разобраться, а потом начала расспрашивать студенток, как те живут.

«А вы в свой детдом часто ездите?» — поинтересовалась она.

«Конечно, часто, и в воскресенья, и на каникулы, и практику там будем проходить».

«Это хорошо, связь держать надо,— одобрила Крупская,— и вдруг сказала: — А бельишко-то у вас, наверное, поистрепалось. Вы когда поедете к себе в детдом, попросите заведующего от моего имени, пусть они дадут вам все новое».

До глубины души были тронуты этой поистине родительской заботой бывшие воспитанницы детдома. Пособие в институте они, конечно, скоро получили. Навсегда сохранилась в их сердцах память об этой встрече.

О незабываемой встрече с Н. К. Крупской, сыгравшей переломную роль в его жизни, вспоминал И. П. Мудрагей.

Это было уже во время ликвидации последних следов беспризорщины — в 1930 году. Ваня Мудрагей, бывший беспризорный, уже побывал в детских домах, в трудколони, кончил семилетку, но не знал, куда себя пристроить. И снова, пробравшись в Москву, начал беспризорничать.

«Вечерами мы, беспризорники,— рассказывал Иван Петрович,— приходили на Цветной бульвар, и, выбрав погуще кусты, забирались в них на ночь. Не спишь, бывало, глядишь через кусты в звездную темноту пустыми глазами и думаешь: «Зачем же ты, жизнь, нас так покалечила, зачем так исказнила?»

И раз случайно разговорилась с подростками женщина, оказавшаяся учительницей. Узнав об их бедствиях, посоветовала: идите в Деткомиссию при ВЦИК, к Семашко или в Наркомпрос к Крупской. О Надежде Константиновне ребята слышали раньше в детдомах, решили последовать доброжелательному совету. Вместе со своим товарищем Чурилиным Мудрагей пошел в здание на Чистых прудах. Секретарь Крупской, расспросив, отправил было их в управление детскими домами. Но в это время из кабинета вышла Надежда Константиновна.

— А эти ребята откуда, по какому делу пришли? — спросила она.

— Попросят куда-нибудь пристроить на учебу или на работу.

— Это хорошо, что сами пришли... Зайдите-ка ко мне,— и она показала на дверь своего кабинета.

— Ну, рассказывайте, как там, много еще ребят бегает? — спросила Надежда Константиновна.

— Много! — начал было рассказ Чурилин.— Облавятся. Не хотят идти в детдома, глупые они...

— А вы были в детских домах?

— Как же, были — сказал я.— И в детдомах и в коммунах. Мы не жалеем. А вот после детского дома...

осиротевших ребят. Но решить эту труднейшую задачу они не смогли бы, если бы им на помощь не пришли пролетарии Москвы.

ТЕПЛО РАБОЧИХ СЕРДЕЦ

Как бы ни были велики трудности и лишения, переживавшиеся рабочими Москвы и Подмосковья в первые послереволюционные годы, всегда находили они силы, возможности помочь осиротевшим детям. И в том, что наши первые детские дома стали очагами спасения для десятков тысяч ребятшек, что слава о них достигала самых далеких уголков страны и они влекли к себе массы беспризорных, огромна заслуга рабочих и работниц столицы, Московской губернии. Исключительную роль сыграли женщины-работницы. Ведь в годы войны они составляли основной контингент тружеников заводов и фабрик. Им ближе всего была забота о детях, детских учреждениях, о перестройке быта, об охране материнства и младенчества. «И здесь именно на женщин более всего и ложится эта работа...»⁷⁷ — говорил на 4-й Московской общегородской беспартийной конференции работниц в сентябре 1919 года В. И. Ленин. К этому же звал женщин Московский комитет партии. В листовке-обращении ко всем работницам и крестьянкам осенью 1919 года МК РКП(б) призывал «...привлечь к участию в работе в детских домах, яслях и других учреждениях выборных ваших делегатов и поставить под их контроль дело ухода за детьми»⁷⁸.

В самые тяжелые 1918 и 1919 годы по инициативе рабочих распространилось шефство фабрик и заводов над детскими учреждениями, в том числе и над детскими домами. Работницы отдавали обездоленным детям и жар своей души, и тепло материнских рук. Поистине героиче-

скими усилиями добывали они для детдомовцев дополнительное питание, одежду, обувь. После смены многие работницы шли в детдома, чинили белье, дежурили как воспитательницы, ухаживали за заболевшими детьми, просто забавляли, ласкали ребятишек, так нуждавшихся в этой ласке.

Большую помощь оказывала детским домам Московская рабочая инспекция, а с 1920 года — рабоче-крестьянская инспекция. В поле зрения контролеров было все: снабжение, расходование продуктов, соблюдение чистоты, оказание детям медицинской помощи и т. д. От бдительного глаза народных контролеров не ускользало ни одно нарушение, ни одна попытка нечестных, недобросовестных людей поживиться за счет детдомовцев.

А какую неоценимую практическую помощь оказывали детдомам контролеры! Все вскрытые недостатки доводили они до сведения Советов, настойчиво добивались посылки детям продуктов, дров, одежды. Сами брались за ведра и тряпки, наводили чистоту, делали несложный ремонт. Постоянно искали контролеры места, где можно было бы открыть новые дома, переселить ребят в более благоприятные условия.

Уставшие от многочасовой работы, часто полуголодные обходили они улицу за улицей, выезжали в промерзших вагонах редких поездов за город. А потом докладывали в Советах: по Казанке — места сухие, сосны, воздух какой! А сколько там пустующих дач, двухэтажных, с участками. Можно их для детей взять. И в результате на станции Удельная был открыт детский дом для малышей «Муравейник», а в Малаховке — детский городок для школьников.

С первых дней существования детских домов Наркомпрос старался привлечь в их штат работниц. В 1920 году при отделе народного образования Моссовета были открыты краткосрочные курсы подготовки воспитателей

детдомов. Учились на этих курсах главным образом работницы московских заводов и фабрик. И хотя за несколько месяцев они не могли накопить больших педагогических знаний да и за плечами у них была, как правило, только низшая школа, но желание, хозяйственные способности, любовь к детям делали свое дело.

Многие окончившие курсы потом великолепно справились с новыми для них обязанностями. Хорошей заведующей богородским детдомом в Москве стала работница Холодова. Много лет возглавляла и прекрасно вела хозяйство в Хамовническом детском доме работница Иванова. И таких имен можно было бы назвать немало ⁷⁹.

А вот что можно было прочитать в 1921 году в отчете отдела охраны материнства и младенчества Бауманского района: «Хорошо обстоит дело в тех учреждениях, где заведующей хозяйством является работница. Там во всем видна заботливость, наблюдается экономия. Работница-хозяйка работает в своем большом доме не покладая рук. Вечером урвет час-другой и перечинит и перештопает детское белье» ⁸⁰.

Частыми были в то время на заводах и фабриках воскресники, субботники в помощь детским домам.

Об одном из таких субботников рассказывала на страницах московской газеты «Коммунистический труд» работница военно-обмундировочных мастерских Центрутиля Оглоднова.

Работницы мастерских из сэкономленного ими материала решили пошить для детдомовцев-девочек новую одежду.

«Все лица дышали весельем и лаской,— пишет Оглоднова.— Быстро и энергично работали работницы, и вскоре появилась целая груда детского белья и платьев.

Вдруг мастерская огласилась веселыми детскими голосами. Это руководители привели детей из детских домов, чтобы они полюбовались на те обновки, которые для

них приготовили работницы. Сколько тут было радости! Дети перебирали все эти красивые вещи и не могли достаточно налюбоваться на них. Затем дети спели работницам несколько песен. Работницы были очень растроганы и многие из них даже прослезились. Затем дети вместе с работницами дружно спели «Интернационал»⁸¹.

Рабочие предприятий Хамовнического района 5 декабря 1920 года все вышли на воскресник в помощь детдомам. Мужчины заготавливали дрова, женщины приводили в порядок помещения, чинили белье.

А в одном из дошкольных детдомов работницы Хамовников решили из принесенных ими лоскутков смастерить для детишек куклы — их в детдоме совсем не было. «Работа всех очень увлекла, — вспоминала одна из участниц воскресника. — Всякому хотелось сшить куклу по красивее. Позвали пить чай, но большинство взяло кружки и продолжило работу. Работали с 10 утра до 5 вечера. Сделали 80 кукол. Их хватило на несколько домов»⁸².

Свой благородный опыт работницы Москвы и Подмосковья старались передать работницам других городов. Когда в конце 1920 года в освобожденные южные губернии выезжала комиссия ЦК и МК РКП(б), в ее составе были работницы с курсов подготовки воспитателей детдомов МОНО. Сердце кровью обливалось у москвичек, когда они своими глазами увидели катастрофическое состояние детских учреждений в этих районах.

Как помочь? Материальных средств у комиссии не было. Государственные мероприятия были еще впереди. А дело требовало немедленных мер.

«Надо идти на заводы и фабрики. Многие уже работают. Будем говорить с пролетарками», — решили работницы Москвы.

И пошли. Страстно говорили на собранных по их просьбе женских митингах:

«Посмотрите, что делается с вами рядом. Ведь про-

падают ребяташки. Вы же сами матери, помочь можете и должны. Вот послушайте, что делаем мы». — И следовали подробные рассказы.

А потом с местными работницами шли москвички в детские дома, приемники, наводили чистоту, перестирывали и чинили белье, собирали по квартирам одежду, обувь, добивались от Советов завоза продуктов. Пример столичных тружениц срабатывал безотказно.

Еще действенней, активней стала помощь рабочего класса Москвы тогда, когда развернулось всенародное движение спасения голодающих и беспризорных детей и подростков. Формы помощи были разнообразны. Добровольный сбор денежных средств, одежды, обуви, продуктов питания. Деткомиссия ВЦИК выпустила специальные марки в фонд помощи детям. Широко раскупались они на фабриках и заводах.

Не раз проводились в первые годы мирного строительства различные недели помощи детям. Неделя ребенка в декабре 1920 года, неделя помощи школе в ноябре 1921 года. Для детских домов особенно большое значение имела неделя беспризорного и больного ребенка, проведенная в конце апреля — начале мая 1923 года.

Неделе предшествовало обращение председателя Деткомиссии ВЦИК Ф. Э. Дзержинского. «Ко всем трудящимся СССР, исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодежи, «Межрабпому». В обращении говорилось: «Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточенной кровавой борьбы с ее заклятыми врагами — внутренней и внешней контрреволюцией... Но эта великая победа трудящихся досталась недаром. В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны... Одной из этих ран является далеко еще не полная обеспеченность детского населения страны». Феликс Эдмундович рассказал в обращении о тех мерах, которые принимает Советское пра-

вительство по ликвидации беспризорщины, обеспечению сирот, открыто и честно заявил, что эти меры еще не могут решить вопроса: не хватает средств для создания новых детских учреждений, недостаточно обеспечены всем необходимым уже существующие.

Начиная вместе с Наркомпросом и Наркомздравом при деятельном участии партийных и профессиональных организаций проведение недели беспризорного и больного ребенка, Деткомиссия звала всех трудящихся Советской страны прийти на помощь детям. «Не стесняйтесь ни формой, ни размером вашей помощи,— писал Ф. Э. Дзержинский.— Помните, что только общими объединенными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности»⁸³.

Обратилась ко всем трудящимся Москвы и губернии Комиссия по проведению недели: «Вы все видите этих обездоленных, лишенных радости детства детей. Вы видите их на вокзалах, на улицах, на рынках... Детская беспризорность — огромное, не поддающееся одиночным усилиям общественное зло. Это зло унаследовано нами еще от старого строя. А война, голод и эпидемии сделали сиротами новое громадное количество детей и выкинули их на улицу... Мы обращаемся ко всем честным гражданам в эту *Неделю организованной помощи детям*. Мы призываем всех, кто сознательно относится к жизни, кто понимает всю ответственность перед Республикой. Рабочие и крестьяне! Эти тысячи беспризорных детей — ваши дети. Вы не оставите их без помощи!.. Общими усилиями изживем бедствие! Создадим условия для нормального развития будущих граждан трудового общества»⁸⁴.

Помощь населения не укладывалась в рамки одной недели. Неделя стала лишь толчком, привлечшим внимание москвичей к ликвидации беспризорности.

Во время недели велись широкие сборы одежды, обуви, продуктов питания, денежных средств. В пользу беспризорных артисты московских театров давали спектакли и концерты. На площадях демонстрировался специально снятый документальный фильм «Беспризорные».

Но наиболее действенная помощь шла с фабрик и заводов. На предприятиях в эти дни состоялись рабочие собрания — вопрос один: как помочь беспризорным. И один, единственный щедрый ответ — отдать им часть своего заработка, поработать в их пользу сверхурочно. А ведь как невелик еще в то время был заработок рабочего!

«Рабочая Москва» в мае была заполнена сообщениями:

«Граверная мастерская приняла шефство над детским домом № 49/20 и отчислила в фонд помощи детдомам полдневный заработок».

«Свибловская Государственная суконная фабрика делает двухпроцентное отчисление заработка».

«Рабочие завода «Машиностроитель» в пользу беспризорных отработали два часа сверхурочно и, кроме того, отчислили полпроцента заработка».

«Рабочие шорно-седельной фабрики № 3 «Пролетарий» провели подписку в пользу беспризорных. В среднем пришлось по 50 рублей с человека».

«Общее собрание завода «Серп и молот» постановило отчислить один процент заработка».

«Рабочие Миусского трамвайного депо собрали 1500 рублей»⁸⁵.

И так почти по всем предприятиям.

Прошли на многих фабриках и заводах воскресники в пользу беспризорных.

29 апреля 1923 года в воскресенье заводской гудок «Красного богатыря» созвал к воротам предприятия тысячи рабочих. Над воротами алели плакаты «Сегодня наш труд — беспризорному ребенку». Весь день до вечер-

Бывшие беспризорные на Красной площади в Москве. 1925 г.

него гудка во всех цехах кипела работа. Не было ни одного уклонившегося. Дружно поработали краснобогатырцы. 175 тысяч рублей передали они в фонд недели. А закончился воскресник кратким митингом и пением «Интернационала»⁸⁶.

В итоге недели в Москве в фонд Деткомиссии поступило 500 тысяч рублей и на 6 миллионов различных вещей и продовольствия. 30 процентов этих средств было передано уже действующим детским учреждениям, а 70 процентов пошло на создание новых детских домов⁸⁷.

Замечательная инициатива родилась в это время на московских предприятиях — взятие на воспитание, усыновление подростков из беспризорников. Многие заводы

и фабрики на свои средства создавали для них дома-коммуны. Это были общежития, где подростки сами вели хозяйство. Все они зачислялись учениками предприятия. Заработанные ими деньги вносились в кассу коммуны, совет коммуны определял статьи расхода.

Постоянно помогали коммунарам партийные организации предприятий, ветераны производства. Подлинными детьми заводов стали бывшие беспризорники. Позже они пополнили славные ряды рабочего класса.

Двадцать подростков взял на воспитание завод «Каучук», выделил для них небольшой барский особняк на Большой Пироговской. Постоянным гостем коммуны, первым советчиком ребят стал коммунист Э. И. Юревич, в прошлом рабочий, а потом заместитель директора «Каучука». Помогали ребятам и другие рабочие.

Коммуна жила полнокровной интересной жизнью: работали кружки текущей политики, литературный, драматический, ребята зачитывались произведениями Горького, Маяковского, с неослабевающим интересом бродили по московским музеям, замирали от восторга в театрах столицы. А в маленьком заводском клубе на Плющихе, там, где теперь высится красивый Дом культуры «Каучука» — коммунары показывали рабочим свое самодеятельное искусство.

Но главное — ребята овладевали рабочими специальностями. Широкую дорогу открыл перед ними завод. Квалифицированным рабочим стал бывший беспризорник Николай Мозель. Позже завод направил его учиться в Промакадемию. Инженерное образование получили, тоже пройдя рабочую школу, Александр Афанасьев, Егор Печников, Иван Васютин и другие дети завода⁸⁸.

Пятнадцать человек взяла на воспитание фабрика «Парижская коммуна». Их разместили в общежитии, прикрепили к цехам, выделили наставников — опытных

рабочих и комсомольцев. Поначалу дело не ладилось — зараженные стихией вольной жизни подростки нелегко втягивались в работу. Рабочий «Парижской коммуны» А. И. Матюшин, много сил и времени отдавший перевоспитанию бывших беспризорников, вспоминал: «Ничего не скажешь, трудный попался народ. Но мы от них не отступались. Рабочий коллектив медленно, но верно делал свое дело. Старшие товарищи, коммунисты и комсомольцы обучали ребят профессиям, часто бывали у них в общежитиях, беседовали, на выходные дни брали к себе в семьи. Бывшие беспризорники становились на ноги, мужали»⁸⁹.

Хороших рабочих, специалистов воспитала «Парижская коммуна». Подлинным вожаком детей фабрики стал Андрей Плахин — смысленный, любознательный паренек. Он скоро овладел специальностью рабочего по отделке обуви. За ним потянулись и другие. Пошли учиться в школу рабочей молодежи. А сам Андрей вступил в комсомол, стал секретарем ячейки. Позже он окончил институт легкой промышленности, был принят там в члены партии, работал специалистом по кожсырью. А затем перешел на дипломатическое поприще, шесть лет был послом СССР в Дании.

Все воспитанники «Парижской коммуны» стали полезными членами коллектива усыновившей их фабрики.

К 1925 году завершилось восстановление народного хозяйства. Позади остались трудные времена разрухи. Преодолены последствия голодного года. Получила кров и заботу основная масса беспризорных. Окрепли, зажили более обеспеченной жизнью детские дома. Уже не было такой необходимости в материальной помощи, которую оказывали детдомовцам рабочие и крестьяне. Но рабочий класс не оставлял без внимания «государственных детей». Шефство предприятий над детскими домами продолжалось, расширялось, принимало новые формы.

Главным и очень важным стала передача воспитанникам традиций, опыта, трудовых навыков рабочего класса.

Н. К. Крупская, призывая всячески расширять связи фабрик, заводов с детскими домами, советовала рабочим, работницам, крестьянам в порядке общественной работы участвовать и в жизни детского дома, организовывать небольшие кружки из ребят.

«Каждый взрослый,— рекомендовала она,— что-либо умеющий, должен помогать ребятам научиться тому, что он знает. Работница умеет, скажем, шить на машинке — пусть она поможет кружку из трех девочек научиться этому шитью. Рабочий умеет делать деревянные ящики — пусть он научит этому ребят. Пусть врач научит группу ребят подавать первую помощь, сестра милосердия — делать перевязки, крестьянин научит ребят своей работе»⁹⁰.

Просили рабочий класс совершенствовать формы связи с воспитанниками и сами педагоги детских домов.

В материалах Московской губернской конференции работников детских домов, проходившей в апреле 1923 года, было записано: «Шефство не должно быть понимаемо как шефство материальное, дающее детям питание и одежду. Оно должно быть использовано детским домом для установления идеологической связи с рабочими и партийными организациями, для ознакомления детей с производством на фабриках и заводах»⁹¹.

Возможности передачи рабочими своих трудовых навыков детдомовцам расширились, когда в начале восстановительного периода при детских домах стали создаваться производственные мастерские. Знатоки своего дела с шефствующих предприятий помогали обучать воспитанников столярному, слесарному, швейному мастерству, сначала в порядке общественной помощи, а позже переходили в мастерские в качестве постоянных инструкторов.

Связи предприятий с детдомами непрерывно расши-

рялись. Старшие воспитанники работали в цехах шефствующих заводов и фабрик, прочно овладевали начатками профессионального мастерства, а потом вливались в рабочие коллективы.

Конечно, шефы не оставляли своих питомцев без материальной помощи. Но теперь это были хорошие подарки — новая мебель, костюмы, спортивный инвентарь, книги и т. д. Укреплялось и дружеское общение предприятий и детдомов: дети, подростки были частыми гостями в рабочих квартирах, общежитиях, вместе ездили на экскурсии, вместе ставили спектакли, концерты. И еще один совет Н. К. Крупской с успехом выполняли шефствующие над детдомами предприятия. Надежда Константиновна говорила: пусть рабочие расскажут детям о пережитом, «как приходилось бороться с фабрикантами, как можно было чего-либо добиться лишь путем упорной борьбы, как тяжело жилось рабочим и их семьям при царизме, как трудно было рабочему человеку пробиться к знанию в те времена; пусть они расскажут пионерам о войне, о своем участии в революции, о борьбе с белыми и т. д. и т. п.»⁹².

И такие беседы проводились. С каким неподдельным вниманием слушали детдомовцы рассказы своих старших друзей, какой глубокий след они оставляли в детском сознании, как помогали формированию качеств человека нового общества.

По-прежнему партийные и советские организации Москвы и Подмосковья стремились укреплять кадры работающих в детских домах за счет передовых рабочих. В 1930 году Моссовет провел широкое обследование состояния детдомов Московской области. А их тогда было 240. Обнаружилось, что в ряде домов были крупные недостатки — в ведении хозяйства, в работе мастерских, недостаточна была связь с производством. Президиум Мособлисполкома и Моссовет приняли постановление,

в котором, в частности, предписывалось отделу кадров Моссовета «мобилизовать 200 товарищей рабочих и работниц для руководящей работы в детских домах... Прикрепить все детские дома в городах к фабрикам и заводам, в деревне — к совхозам и МТС»⁹³. Принятые по постановлению меры помогли выправить положение.

В одной из листовок московских большевиков 1923 года говорилось: «Ни одно правительство мира, кроме Советской власти, не подходило к детям ближе, сердечней и сознательнее»⁹⁴.

Великий гуманизм советского общества проявлялся в те невероятно трудные годы с необыкновенной силой именно в отношении к детям, миллионы детей были спасены от голодной смерти, от пагубного влияния преступных дорог. И спасение это не только в том, что дети получили кров, еду, одежду, что было укреплено их пошатнувшееся здоровье. Спасение еще и в том, что они, потерявшие родных и близких, обрели в детских домах новые большие семьи, с их общими радостями и горестями, с крепкими связями. В детдомах были сироты, но не было сиротства.

Расскажем теперь, как же протекала жизнь в наших первых детдомах.

СТАЛ ДОМОМ РОДНЫМ

РОСЛИ В ТРУДЕ

Еще не занялся зимний рассвет, еще крепким сном спит детвора, а в полутемные спальни заглядывают старшие воспитанники. Это дежурные ученического комитета — учкома. Тихо будят они то одного, то другого спящего.

— Вставай, твоя очередь...

Нелегко вылезать из теплой постели, выходить в выстывшие за ночь коридоры, а надо.

И бегут ребяташки: одни — в сарай, принести охапки дров, помочь уборщице растопить печи, другие — на кухню, вместе с поварихой готовить завтрак, третьи — на скотный двор, в курятник покормить животных и птиц, четвертые — натаскать воды в умывальники, не было тогда в большинстве детдомов водопровода. Все хозяйственные работы выполняли сами воспитанники, старшие — потяжелее, младшие — полегче. Они знали, что никто их не заменит (обслуживающего персонала было очень мало), что от их собственных усилий зависят сытость, тепло, чистота и уют в их доме.

Не было возможности у молодого Советского государства, даже в 20-е годы, дать детским домам все необходимое: достаточное питание, одежду, обувь, топливо. Но дети не страдали, помогая стране обеспечивать себя всем необходимым. В труде росли здоровые и работающие люди.

Вот что вспоминал поэт Александр Филатов:

Я в детском доме
Рос в семье сирот,
Там наше детство прихотей не знало.
Бывало, только солнышко взойдет —
И тишины уже как не бывало.
Одни метут,
Другие мастерят;
Кто кулинар, кто сторож, кто возница,
За окнами такой взрастили сад,
Казалось, в нем могла бы жить
Жар-птица.

И привычка к труду, к самостоятельности, готовность выполнить любую работу, пусть даже трудную, становилась неотъемлемым качеством каждого детдомовца. К трудовой жизни готовила и подготовила их Советская страна.

С первых дней существования новой власти Советское правительство, исходя из ленинских указаний, определило принципы воспитания и обучения детей и подростков. 30 сентября 1918 года ВЦИК Советов утвердил «Положение об единой трудовой школе РСФСР». В положении говорилось, что основой школьной жизни должен служить производительный труд: «Постоянно усложняясь и выходя за пределы непосредственной обстановки детской жизни, производительный труд должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства, вплоть до самых высших»¹. Эти положения легли и в основу детдомовской жизни. Производительный труд стал обязательным для всех воспитанников.

Вот что было, например, записано в уставе Балашовского детского дома, созданного весной 1919 года, называвшегося тогда школой-коммуной: «...Школа-коммуна организуется на трудовом начале... Труд кладется в основу жизни и преподавания. Все потребности школы-ком-

Пушкинская детская сельскохозяйственная колония. 1923—1924 гг.

муны — благоустройство, оборудование помещений мебелью, содержание воспитанников удовлетворяются исключительно силами коллектива. Для достижения этих целей организуются мастерские, проводятся работы в поле, в саду, на огороде»².

В самое суровое время — в годы гражданской войны, восстановления народного хозяйства главным видом труда детдомовцев был труд сельскохозяйственный. В 1919 году, наиболее голодном, многие детдома вывозились из Москвы за город. Им отводились земельные участки, выделялись сельскохозяйственный инвентарь, скот, птица. Выезжали на длительное время в Подмосковье и те школьники, родители которых не могли прокормить

детей. Размещались они в бывших помещичьих имениях.

В одно из таких имений в поселке Сергеево-Плещево, что в 14 верстах от Троице-Сергиева Посада (ныне г. Загорск), была в 1919 году вывезена из Москвы и превращена в детский дом одна из столичных школ. Она стала называться 8-й загородной колонией второй ступени. В поселке дом был занят под туберкулезный санаторий, а несколько десятков подростков 14—16 лет расположились в небольшом здании, где раньше жила прислуга, в наскоро оборудованной под жилье бывшей молочной. Заведовать колонией Московский отдел народного образования поручил учителю этой школы А. Ф. Луговскому. Опыта в организации таких колоний не было. Все приходилось начинать буквально с нуля. Помогала Луговскому и стала настоящим инструктором сельскохозяйственных работ местная крестьянка тетя Груша. Позже приехали учителя, агроном.

И вот городские дети, никогда раньше не знавшие, что такое труд на поле, в огороде, на скотном дворе, взялись хозяйствовать. Мальчики валили в лесу деревья, пилили и кололи дрова. Девочки мыли полы, под руководством кухарки Александрюшки, тоже крестьянки из соседней деревни, управлялись на кухне, доили коров, пекли хлеб. Больше работы было летом: сенокос, огороды, поля. Все научились косить, жать, вязать снопы, молотить, навивать стога. Сами таскали воду из речки, топили крохотную баньку, сами стирали белье, одежду.

Дочь заведующего колонией, тоже находившаяся на положении воспитанницы, Татьяна Луговская позже рассказывала: «Обеды и ужины, особенно в первый год нашей жизни, прямо скажу, были неважные. Так, баланда какая-то из селедочных голов и чечевицы. Через год, когда был снят первый урожай, еда наша стала куда лучше. Совсем недурная стала наша еда... У нас появилась своя мука, своя картошка, своя гречиха, свои огурцы, капу-

ста, морковь и молоко. Не было сахара, чая, масла. Плохо обстояло дело со спичками, керосином, маслом, обувью и одеждой. Но в общем мы жили хорошо, и время это вспоминается как одно из самых прекрасных и поэтических»³.

Сельскохозяйственными работами занимались почти все детдома, и даже те из них, которые оставались в Москве. Воспитатели и воспитанники вскапывали каждый свободный клочок земли, сараи превращали в крольчатники, курятники. Сельскохозяйственный труд оказывал благотворное влияние на детей и подростков.

В московском детском доме «Юный коммунар» воспитывались подростки 14—17 лет, прошедшие трудную дорогу беспризорщины. В правонарушениях они не были замешаны, но к труду не привыкли. Невысока была дисциплина, немало воспитанников отказывались выполнять задания по самообслуживанию, благоустройству. И больше всего поражала воспитателей вялость, апатия старших ребят. Ничего-то их, казалось, не интересовало, тоска сквозила в их глазах. В чем дело?

Воспитатели пытались разговорить ребят. По вечерам подсаживались к собиравшимся у топившихся печек подросткам, неназойливо расспрашивали их о прошлом, о детстве. И постепенно картина прояснилась.

— Ну что тут хорошего! Тесные улицы, маленькие дворы, неба не видно. А ведь у нас в деревне — поля, простор. А сенокосы какие! — говорил один.

— Ты и на сенокосе работал?

— А как же! Я и сгребать, и навивать умею!

— А я картошку любил выбирать!

— А я поливать!

— Лучше всего в ночное ездить! — один за другим вспоминали мальчишки.

— Нет, лучше всего море! — мечтательно воскликнул кто-то из старших. — И виноградники! Как интерес-

но подвязывать лозы, собирать виноград! Не то, что печки здесь топить да полы мыть.

Вот в чем дело! Многие подростки были выходцами из деревни, скучали по сельскому раздолью, по полевым работам.

— А что, если вывезти вас на лето из Москвы? Но не просто на отдых, а на работу?

— Надо подумать...

— Может быть, попробуем? Подумайте еще.

Не сразу удалось уговорить ребят. Со старшими долго беседовали воспитатели, убедили их, а они, в свою очередь, повлияли на младших.

И вот лето 1923 года. В шесть совхозов под Можайском выехали подростки из «Юного коммунара». А тот мальчик, который мечтал о море, возглавил отряд, направленный в кавказский совхоз «Дагомыс». По заключенным с совхозами договорам ребята должны были трудиться три-четыре часа в день, получать примерно четверть зарплаты взрослого рабочего.

Не сразу все наладилось. В первые дни, опьяненные свежим воздухом, да к тому же и не очень крепкие и сытые, подростки засыпали на поле после часа-двух труда. Рабочие совхозов жалели их. Часто можно было услышать:

— Ну-ка попейте молока, парное!

— Вы морковку побольше грызите, она полезная.

— Вечерком к нам зайдите, хозяйка пирогом угостит.

Постепенно ребята втянулись в работу, не стали так уставать, посвежели, загорели, повеселели. Подружились с местными подростками, вместе пели, играли в футбол. Сами воспитанники взяли на себя всю организацию работ, прием выполненных заданий. А через несколько недель заведующего детдомом ожидал сюрприз: к нему пришли руководители совхозов «Бородинки» и «Никольское».

— Ваши подростки — просто клад для нашего хозяйства, — заявили они. — Мы смогли высвободить для других дел почти половину постоянных рабочих. Теперь справедливо будет платить им не 25, а 40 процентов от зарплаты взрослого.

Так было и в других совхозах. В выданных детдому осенью удостоверениях все руководители единодушно отмечали: работали подростки добросовестно, не было случаев небрежного отношения к инвентарю, впредь желательно заключать такие же договора.

И с осени изменился стиль жизни «Юного коммунара». Ребят удалось спаять в дружный коллектив, появилось у воспитанников сознание необходимости так же добросовестно трудиться и в своем доме. Резко сократились случаи отказа от трудовых заданий. Ребята по собственному почину взяли на себя многие хозяйственные работы по дому. На одну треть был сокращен технический персонал, и на его место пришли инструкторы по труду⁴.

Сельскохозяйственный труд был обычным для всех детских домов первых лет Советской власти. И сейчас, вспоминая те далекие времена, бывшие детдомовцы с гордостью говорят: «Мы, государственные дети, не были полными иждивенцами своего государства. Оно спасло нас от смерти, от голода, но мы и сами по мере своих сил старались облегчить трудное наше положение, и это нам удавалось».

И тогда, когда Советская Республика, преодолевая последствия войны, успешно восстанавливала народное хозяйство, когда снабжение детских домов не было уже такой острой проблемой, трудовое воспитание детдомовцев продолжалось и расширялось. Оставался сельскохозяйственный труд, но объем его значительно уменьшился. Прочное место заняла теперь работа в мастерских.

В октябре 1924 года II сессия ВЦИК одиннадцатого

созыва приняла постановление о мероприятиях по народному просвещению. В постановлении, в частности, говорилось: «Поручить Наркомпросу разработать вопрос о реформе детдомов в направлении усиления в них производительного труда и повышения трудовой квалификации воспитанников»⁵. А в июне 1925 года Совет народных комиссаров РСФСР по докладу Наркомпроса вынес решение, в котором предписал создать в детских домах достаточно оборудованные мастерские⁶.

Требование расширения и дальнейшего улучшения работы детдомовских мастерских повторялось и в последующих решениях партии и правительства. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР в мае 1927 года «О плане борьбы с детской беспризорностью» наряду с другими мерами указывало на то, что необходимо увеличить число воспитанников детдомов, работающих в мастерских, принять меры к укреплению мастерских при детских домах путем улучшения их оборудования⁷.

Очень важное в этом направлении указание содержалось в циркуляре ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1928 года «О борьбе с детской беспризорностью». Центральный Комитет, еще раз подчеркнув важность трудового воспитания в детдомах, в частности работы в мастерских, предписал: «Подобрать кадры инструкторов труда в детдома из числа передовых квалифицированных рабочих с предприятий»⁸. Обучение труду в мастерских принимало, таким образом, профессиональный характер.

Мастерские — швейные, сапожные, столярные, слесарные, переплетные — стали создаваться во всех детских домах. Не очень-то совершенным было поначалу их оборудование, неумелыми были еще руки воспитанников.

И все же результаты оказались хорошие. Комиссия Московского отдела народного образования, обследовавшая состояние детских домов в начале 1923 года, отмечала: «Там, где имеются в детских домах мастерские,

идет творческая, созидательная работа. Цель пребывания в доме детьми чувствуется ярко. На будущее они начинают смотреть спокойно, уверенно»⁹.

И верно, воспитанники любили труд в мастерских, гордились своими поделками.

В Останкинском детском доме была открыта выставка «Мы сделали сами». С интересом рассматривали экспонаты гости, шефы — рабочие, крестьяне близлежащих сел. Внимание привлек стенд, где были выставлены сапоги и ботинки.

— Неужели это сделали вы сами? — недоверчиво спрашивали посетители.

— Конечно, — с гордостью отвечали дежурившие на выставке воспитанники. — А что, нравится?

— Очень! Не хуже, чем в магазине.

Действительно, всю обувь для себя воспитанники Останкинского детдома шили и ремонтировали сами. А в столярной мастерской они для своих спален изготовили тумбочки, а для столовой — табуретки.

В распределителе имени Песталоцци (знаменитый теоретик педагогики) на 1-й Мещанской улице уже с весны 1922 года работали столярные и сапожные мастерские. Об интересе к ним недавних беспризорников может свидетельствовать такой случай. Одиннадцатилетний Сережа Л. побывал в нескольких детских домах и отовсюду убегал. А потом попал в распределитель и остался в нем. Привлекла работа в мастерских. С бродяжничеством было покончено.

Мастерские тогда имелись во всех детских домах. В швейных мастерских девочки шили платья, белье для себя и для мальчиков, вышивали скатерти, шторы. В переплетных ребята приводили в порядок книги из своих библиотек, из заводских и сельских читален, готовили бутафорию для драмкружков. И как пригодились воспитанникам в будущей жизни эти навыки!

Немалые работы выполняли подростки по приведению в порядок, благоустройству своих домов: проводили воду, утепляли здания, разбивали цветники. А в детской колонии № 3 Воскресенского уезда ребята, подготавливаясь к зиме 1923/24 года, решили своими силами не только заготовить дрова, но и сделать электропроводку. И задуманное выполнили. Воспитатель Е. Кирпичникова рассказывала: «Незабываемый для всех нас момент наступил в 9 часов вечера 1 октября 1923 года, когда люстра, повешенная нашими доморощенными электротехниками, осветила наш красный зал ярким светом. Раздался взрыв аплодисментов. Преподаватель физики, под руководством которого воспитанники произвели всю внутреннюю проводку и постановку столбов, едва спасся от толпы, пожелавшей его качать. Это удовольствие досталось на долю его ближайших помощников, которым так много пришлось потрудиться в этот знаменательный день, что они явились в зал грязные, как трубочисты»¹⁰.

Особо важную роль в трудовом воспитании детдомовцев играло их приобщение к производительному труду на промышленных предприятиях.

Одним из первых начал устанавливать тесную связь с производством московский детский дом, который тогда назывался «Опытно-показательная школа-коммуна Наркомпроса». Она была основана еще осенью 1918 года в Белоруссии, а через год ее перевели в Москву. Летом воспитанники школы жили в сельской местности, на зиму переселялись в город.

Воспитательную работу, проводимую в школе-коммуне, высоко оценивала Н. К. Крупская. Она писала: «Метод ее работы чрезвычайно ценен, и познакомить с ним широкие массы учительства крайне необходимо». Главное в методе школы — «неустанное стремление ее организаторов связать школу крепкими нитями с окружающей общественной жизнью...»¹¹.

Еще в 1922 году руководство школы-коммуны установило связь с Москворецкой ткацко-отделочной фабрикой бывш. Бутикова.

Начали с самого простого: предложили воспитанникам сходить на фабрику в качестве экскурсантов. Не все и не всем поначалу понравилось: ошеломил грохот ткацких станков, пыль, запах краски. Да и цеха старой фабрики не привлекали — темнота, духота.

— Но вы приглядитесь,— говорили ребятам мастера,— как интересно, как быстро нарастает ткань на стане. А в красильне разве не замечательно? Из серого куска на ваших глазах получается такая красивая ткань.

— Действительно, интересно,— стали замечать то один, то другой из экскурсантов.— А можно другие цеха посмотреть?

— Милости просим.

Не раз и не два ходили воспитанники, главным образом девушки, на фабрику. Чтобы еще больше заинтересовать их, в школе разработали план несложного, как теперь говорят, социологического исследования и хронометража: сколько работницы тратят времени на заправку станка, на снятие готовой ткани, как организован их рабочий день, питание и т. д.

Девушки получили постоянные пропуска на фабрику; отвечая на вопросы задания, лучше узнавали производство и, главное, проникались уважением к нелегкому труду ткачей.

Пришло время устанавливать более тесные, непосредственные связи с фабрикой. На собрании старшеклассников завшколой предложил желающим стать учениками на фабрике, по несколько часов в неделю работать в цехах. 25 девочек выразили такое желание, встали, под наблюдением опытных ткачих, к станкам.

Часть рабочих на первых порах скептически отнеслась к ученицам:

— Вряд ли что получится. Так, из любопытства пришли, стараться не будут.

Но скоро скептики вынуждены были изменить свое мнение.

— Смотри-ка как работают! Не капризничают, слушают советы, от станка не отгонишь.

Действительно, девочки трудились от всей души, искренне хотели, чтобы у них получилось. И производительность их труда была неплохой — 70—80 процентов выработки кадровых рабочих.

Резко изменилось на фабрике отношение к детдомовцам, стало, как вспоминали сами воспитанники, «добрым и отеческим».

Все чаще и чаще слышались теплые слова:

— Отдохните, девочки. Хорошо сегодня потрудились.

— А пошли-ка после работы ко мне домой, чайку попьем,— приглашал кто-нибудь из ткачих.

В ответ тоже дружеские приглашения: и вы к нам приходите, у нас в воскресенье спектакль, сами поставили, выставку наших рисунков, вышивок, выпиливания посмотрите.

Частыми гостями школы-коммуны стали рабочие фабрики, ближе познакомились с ее жизнью, горячо одобряли установленные в школе порядки, а некоторые ткачихи просили ее заведующую:

— Взяли бы вы к себе наших ребят: они у нас почти что без присмотра, уроки помочь сделать некому, да и скучают, у вас им лучше будет.

Как правило, такие просьбы удовлетворялись.

Сближала школу с фабричным коллективом совместная культурно-просветительная работа. С интересом рабочие смотрели спектакли, концерты, поставленные детдомовцами. Охотно посещали ткачихи выставки поделок воспитанников школы.

Высоко оценивал значение связей с фабрикой и сам

коллектив школы. В Положении, определявшем ее жизнь, цели, было записано: «Фабрика рассматривается школой не только как предмет изучения... Фабрика — широкая дверь в жизнь. Через эту дверь в жизнь вводятся в школу организованным путем, собираются все положительные и повышающие развитие ребят ее стороны. Фабрика есть средство политического воспитания и укрепления марксистского мировоззрения у ребят. Поэтому главное значение фабрики в том, что она есть организующее начало в жизни ребят, возбудитель их интересов. Она должна сплачивать ребят и вырабатывать их коллективную волю, организовывать их»¹².

Устанавливали связи с предприятиями и другие детские дома Москвы. Фабрика Москвошвей шефствовала над 1-м пионердомом Рогожско-Симоновского района. 22 старшие воспитанницы работали по четыре часа в неделю в цехах фабрики. Некоторые из них, хорошо овладев навыками швейного производства, позже влились в коллектив фабрики, связали с ней всю свою жизнь. Воспитанницы пионердома постоянно помогали работникам фабричного детского сада. А швей, в свою очередь, чем могли, помогали детскому дому, хорошо знали жизнь своих подшефных. Представители фабрики входили в состав совета детского дома — главного органа его самоуправления.

Такие связи устанавливались, как правило, в большинстве детских домов.

УПРАВЛЯЛИ СВОИМ ДОМОМ

К трудовой жизни, со всей ее многогранностью и сложностью, готовила воспитанников детских домов Советская страна. Она приучала их быть самостоятельными хозяевами своего дома, умеющими поддерживать поря-

док, дисциплину, пробуждала, развивала в детях, подростках организаторские способности.

Хорошим средством воспитания таких качеств стало детдомовское самоуправление (самоорганизация). Самоуправлению воспитанников детдомов большое значение придавала Н. К. Крупская. Она говорила: «Нужно правильно поставить самоорганизацию ребят, чтобы каждый воспитанник принимал активное участие в ней и выполнял какую-нибудь, хоть самую небольшую работу, тогда само собой отпадет вопрос о дисциплине и будут изжиты многие большие вопросы жизни детдома»; «самоуправление должно давать навыки сообща, общими силами разрешать выдвигаемые жизнью задачи»¹³.

По существу, всей жизнью детдома руководили органы детского самоуправления. Высшим органом было общее собрание.

Обычно во время утреннего чая звучало объявление: — Сегодня после уроков и занятий в мастерских будет общее собрание. Повестка дня — о работах по благоустройству участка. Есть дополнения?

Дополнения всегда находились: ребят интересовало многое, накапливались наболевшие вопросы.

Воспитанники опытно-показательной школы-коммуны Наркомпроса вспоминали, что на общих собраниях у них любили слушать сообщения о событиях, происходящих в стране, обсуждать перспективы развития детдома, много спорили, почему не следует курить и ругаться, вместе решали, как поддерживать чистоту, как следить за своим здоровьем. Сознанием общей ответственности за все дела детдома были проникнуты решения общих собраний. Когда в 1919 году школа переехала в Москву, в одном из решений собрания было записано: «Мы приехали из деревни, к нам пришли еще новые товарищи, у нас ничего нет. Мы — настоящие пролетарии. Нужно все строить самим. Государство не может нам дать многое — оно само бед-

Воспитанники «Юной республики» с шефами-красноармейцами.

но»¹⁴. И дальше в решении — распределение заданий: кто будет чинить электропроводку в пока еще неблагоустроенном здании, кто заготавливать топливо, кто приводить в порядок двор и т. д.

Общие собрания стали серьезной школой самовоспитания детей. Заведующий одним из первых детских домов Москвы Иван Григорьевич Автухов писал в своем дневнике: «Когда бываешь на детских собраниях, невольно чувствуешь, что дети на твоих глазах растут... Ребенок вдруг неожиданно для самого себя ясно осознает, что и он член общей организации, имеющий право голоса, имеющий возможность влиять на свою судьбу». В качестве примера Автухов приводит историю подростка

Бориса Б. По предложению заведующего, сумевшего подметить у парня зачатки организатора, мальчика стали выбирать председателем собрания. Вначале он стеснялся, собрания, по существу, не вел, молчал, но раз от разу становился все смелее и смелее, начал следить за порядком в зале, а потом сам высказываться, предлагать вопросы для обсуждения. Проявились в нем и новые качества — ответственность за дела дома, желание оказать помощь товарищам.

Многие малыши боялись ночью идти по темным коридорам. Борис сказал им: «Каждый раз будите меня. Я буду вас провожать». Обещание свое он выполнил. Борису ребята стали верить, обращаться к нему за помощью. Импонировали его физическая сила, подростковая красота. Однажды из кухни пропали яблоки, приготовленные для компота. Станным показалось, что оба дежурных никого не заметили. А через некоторое время эти дежурные рассказали Борису, что они видели воришку, но побоялись, что он их поколотит. «Ничего не бойтесь,— отвечал Боря.— Я вас в обиду не дам. А с ним мы поговорим на общем собрании».

Так постепенно Борис стал истинным вожаком воспитанников.

В этом детском доме ребята на собраниях высказывали много своих пожеланий и предложений по улучшению жизни, поведения воспитанников. Борис предложил свести эти предложения воедино и составить нечто вроде свода правил. Так и было сделано. Правила детдомовцы в шутку называли своей конституцией. Красиво переписанные на большом листе, украшенные виньетками из цветов, вывешенные на видном месте, правила гласили: «Дети должны жить дружно, не ругаться, не драться, не дразнить, не давать прозвищ и слушаться старших. Если кто сделал плохое, не скрывать». Правила определяли структуру детского самоуправления, режим

дня, пути благоустройства, нормы поведения. Их неукоснительно соблюдали воспитанники. Иван Григорьевич Автухов записывал в своем дневнике: «Такие правила играют громадную роль в детском общежитии, если они выработаны самими детьми. В таком случае каждый из них сознает, что это выработано им самим, что это его родное и не позволяет нарушать своих постановлений»¹⁵.

Все важные вопросы детдомовской жизни обсуждались на собраниях. Там же избирался главный распорядительный орган дома. Назывался он по-разному: совет дома, исполком, чаще учком. В него входили заведующий детским домом, секретарь комсомольской организации, председатель совета пионерского отряда, наиболее уважаемые воспитанники. Учкомы становились настоящими хозяевами детдома. В их обязанности входило распределение работы по самообслуживанию, по благоустройству. Они несли ответственность за соблюдение внутреннего распорядка, за состояние дисциплины, успеваемость. Члены учкома дежурили по дому вместе с воспитателями.

При учкоме из воспитанников создавались комиссии: продовольственная, санитарная, бельевая, культмассовая и другие. Члены комиссий получали, учитывали и распределяли продукты питания, одежду, обувь, книги, игры и игрушки. Состав комиссий систематически менялся — практически все детдомовцы поочередно несли какие-нибудь обязанности. И это помогало выполнить тот совет, который давала Н. К. Крупская, — провести через самоуправление всю массу воспитанников, приучить их к организационной работе, воспитать чувство коллективизма, ответственности за общее дело.

Высок был у детей авторитет органов самоуправления, прежде всего — учкомов. Установились прочные традиции: слово, постановление учкома — закон. И бывало,

что председателей учкомов недисциплинированные, ленивые побаивались больше, чем воспитателей.

Много сил, энергии затрачивали члены органов детдомовского самоуправления. Первыми чуть свет вставляли дежурные из продовольственной комиссии, бежали в кладовку, ключи от которой были в их распоряжении, обговаривали с поварихой меню на день, расход продуктов, выдавали их. Рано поднимались и дежурные члены учкома: проверяли, затоплены ли печи, есть ли вода в умывальниках, в назначенный час давали сигнал к подъему. На посту находились уже и члены санитарной комиссии.

— Всем мыться до пояса!

Не так-то легко это было проделать в зимнее время — вода холодная, детдомовцы вообще тогда и не знали, что такое горячее водоснабжение. Но никакие отказы не принимались во внимание, разве что распоряжение врача. И мылись. А наиболее закаленные выскакивали полураздетыми во двор, обтирались снегом. Санкомовцы придирчиво проверяли каждого:

«Покажи руки. Зубы почистил? А почему уши грязные? Иди опять в умывальную, а то в столовую не пустим.

И тут же обход спален. Снова тщательный осмотр.

— Как кровать застелена? Все криво и косо. Перестели.

Тем временем дежурные по столовой приготовили завтрак. За завтраком члены учкома оглашают распорядок работ в мастерских, на поле, по дому. Раз в неделю — объявления бельевой комиссии: приготовить к сдаче постельное белье, получить чистое для бани. За обедом — слово культкомиссии: сегодня после приготовления уроков будут работать кружки вышивания и выпиливания, состоится репетиция драмкружка, будет открыта библиотека, вечером — каток. По воскресеньям зимой про-

водились лыжные прогулки, а летом — волейбол, баскетбол, качели, «гигантские шаги».

Дни заполнены до отказа. И за всем — постоянное, неукоснительное внимание, наблюдение членов детского самоуправления.

Удавалось коллективу воспитателей и воспитанников в большинстве наших первых детских домов установить и поддерживать твердую дисциплину. Но каким нелегким делом это было поначалу. В детдомах оказались разные дети, в том числе и непривычные к труду, к режиму, уже зараженные вседозволенностью, анархией беспризорщины. Было и сопротивление — скрытое, порой активное. Наблюдались и срывы, и серьезные проступки. Но с самого начала правилом стало воздействовать на нарушителей дисциплины не прямым наказанием, а общественным мнением, единодушным осуждением коллектива. Неукоснительно выполнялись в детдомах советы Н. К. Крупской. Протестуя против наказаний, кое-где еще применяемых по отношению к воспитанникам, она призывала учитывать повышенную нервозность, тяжелое прошлое этих детей, внимательно, по-товарищески относиться к каждому члену коллектива. «Сознательная дисциплина не может быть воспитана окриками и палочной дисциплиной»¹⁶, — справедливо утверждала она.

В 1921 году в школе-коммуне Наркомпроса широко развернулись полевые работы. Первоначально среди воспитанников частыми были увиливания, прямые отказы выполнять задания. Вопрос о дисциплине обсуждался и на заседаниях исполкома дома, и на общем собрании. Мнения расходились. Одни детдомовцы стояли за то, чтобы установить систему жестких наказаний, ввести нечто вроде суда над провинившимися, подвергать их лишениям в еде. Большинство горячо возражало. «Нужны не жестокость, а настойчивость, организованность. Поддер-

жание дисциплины — дело непривычное, ребята втянутся», — говорили одни. «Никакой суд нам не нужен, — поддерживали их другие. — Есть у нас исполком, есть собрание, поговорить сумеем. Наказания тем более не нужны». Предложение о введении суровых мер было отвергнуто. Но внимание к недисциплинированным и со стороны воспитателей, и со стороны членов органов самоуправления усилилось. Ни один случай нарушения не оставался незамеченным.

Так было почти во всех детских домах. На учет брали все факты отказа от работ, драки, грубость, другие случившиеся проступки. С провинившимися разговаривали их товарищи — обычно по вечерам, в спальнях, разговаривали резко, горячо, бывало и легкого тумака давали, но получающие его никогда не жаловались. Особо недисциплинированных вызывали на заседания учкома. Наиболее действенным средством было обсуждение на общем собрании.

В самой большой комнате детдома, отводимой под игры, танцы, собирались, вставали по стенам все воспитанники. «Выйди на середину и отвечай товарищам, почему ты их подводишь?» — строго звучит голос председателя учкома. Входит в круг провинившийся, стоит опустив голову, молчит, краснея. Сказать-то ему нечего, зато говорят другие, открыто, сурово, но справедливо. Притихли те, кто чувствует за собой вину, но не стал сегодня «героем дня». Обсуждение кончалось обычно вынесением порицания, предупреждения, действовало оно почти всегда безотказно.

Как огня боялись порицания, выносимого общим собранием, воспитанники второй ступени Щелковского детского поселка «Юная республика». В этом детдоме были свои огороды. Практически не было случаев, чтобы кто-либо из ребят покушался на них. Даже дежурных по огородам не назначали, сторожей не держали. Все пони-

мали — это наше, общее. А вот огородам соседних деревень от юнресовцев нет-нет, да и доставалось.

Самой смелой, отчаянной в детдоме была Тоня Ковешникова. Первой на неоседланном Воронке мчалась в ночное, колола дрова наравне с мальчишками, купалась как только сходил с реки лед. Все уважали, любили Тоню, но иногда и поддразнивали.

— В Кожине огурцы спели. На спор: не сплаваешь на тот берег! — подзадорили ее как-то парнишки.

— А вот и сплаваю.

Подговорила двух подружек — Лелю Бабурину и Пашу Мосину — и с наступлением темноты тройца перемахнула Клязьму. Тут же огороды. Огурцы-то, оказывается, только завязывались — мальчишки надули. Собрались восвояси, но вдруг караульные. Поймали Лелю. Поднялся шум. Его услышали гулявшие по берегу реки воспитатели, узнали голоса.

— Отпустите девочек! — крикнули они. — Мы с ними разберемся.

Сельчане давно знали, что в детдоме за такие дела спуску не дадут.

— Ладно, бегите. Больше не шкочничайте!

Провинившиеся прошмыгнули в спальню. Заснуть не могли, долго встревоженно шептались.

Значит, завтра собрание, вызов на «середицу». Все узнают. И зачем только полезли!

Наутро, не позавтракав, убежали в лес. Подружки приносили им поесть. Только на ночь возвращались домой. И так продолжалось три дня. Наступила суббота. Тоня должна была в этот день мыть лестницы. Не выполнить задание ей даже и в голову не пришло. Выбрала время, когда, по ее расчетам, все были заняты. И только набрала в кубовой ведро воды — навстречу заведующий детдомом Константин Федорович. Девочка так и обмерла. А он добродушно смеется:

— Ну, огуречница, вернулась из изгнания? Иди работай.

— А собрание будет?

— Да уж ладно, не будет. Вы сами себя наказали. Больше налетов на соседние огороды эти девчата не совершали.

И еще один случай вспоминают бывшие воспитанники «Юной республики». Был в детдоме мальчик, которого звали Герман Ленин. И его тоже как-то поймали крестьяне из соседнего села Анискино у себя на огороде, привели к заведующему.

Ну что ж, обсудили сначала на заседании учкома. Не очень подействовало. Опять горячие разговоры — и неожиданное решение. Раз Герман так себя ведет, он не достоин носить фамилию нашего Ильича. Поэтому два месяца мы будем звать его только по имени, так и во всех списках проставлять. В слезах выбежал мальчишка из комнаты, где заседал учком, бросился с жалобой к заведующему. Но Константин Федорович твердо ответил ему:

— Решение учкома отменить не могу, да и не буду пытаться. А тебе советую — веди себя как следует, берись за самую трудную работу, помогай товарищам. Покажи, что ты все понял, проступка не повторишь. Тогда я попрошу учком сократить срок наказания.

Так Герман и поступил. Через месяц, учитывая его примерное поведение и искреннее раскаяние, учком по ходатайству завдетдома снял свое решение.

Не отказывался от методов общественного воздействия коллектив детдомовцев и тогда, когда приходилось сталкиваться с особо трудно поддающимися воспитанию ребятами. В 1-м пионердоме Рогожско-Симоновского района все дети — пионеры. Так было не везде, тогда к приему в пионеры относились очень строго, принимали только тех, кто не допускал никаких нарушений. Среди

Юнресовцы за работой на огороде.

воспитанников оказался тринадцатилетний парнишка, который, хотя и носил пионерский галстук, отличался не дисциплинированностью, неуживчивостью. Он уже побывал в трех детских домах, везде ссорился с товарищами, не подчинялся распорядку дня. Не раз обсуждали его поведение на совете отряда — главном органе самоуправления пионердома, на общем отрядном сборе. Ничего не помогало. Некоторые члены совета отряда, наконец, внесли предложение: давайте попросим перевести его в обычный детский дом, он звание нашего пионерского дома позорит.

Нет, горячо возразило большинство совета. Нам, правда, очень тяжело с ним. Что получится, если мы его

исключим? Ведь если мы не можем справиться, почему должны справляться другие? Что ж, признаться в своей слабости? Попробуем еще.

«Правильно,— одобрительно сказал входивший в состав совета потомственный рабочий-ткач с шефствующей фабрики Москвошвея.— Рук опускать не надо. Давайте я с ним по-рабочему сначала поговорю».

Долгим был этот разговор. А ребята заявили парнишке: мы могли тебя перевести, но оставили под нашу коллективную ответственность. Ты просто не смеешь идти против коллектива, ты обязан его уважать. Договорились также не обращать внимания на задиристый характер мальчишки, не вступать с ним в ссоры, обращать его придирки в шутку. Постарались узнать, чем он особенно интересуется, увидели, что он охотно читает книги об авиации, и прикрепили его к шефствующему райкому Авиахима. Постепенно парень начал выправляться.

Крепли детские дома. Все легче становилось поддерживать дисциплину. Срабатывали, передавались новичкам сложившиеся традиции. Сказывалась сила коллектива. Крепло сознание общей ответственности за дела, порядок в своем доме. Эту дисциплинированность, вошедшую, что называется, в кровь и плоть, детдомовцы потом пронесли через всю свою сознательную жизнь.

ЖИЛИ ЖИЗНЬЮ СТРАНЫ

Советская Республика стремилась вырастить из воспитанников детских домов не только стойких, любящих труд людей, но и сознательных граждан страны, понимающих всю важность стоящих перед обществом задач, умеющих определить свое место, свое участие в их решении.

С первых дней становления детских домов Н. К. Круп-

ская призывала: надо, чтобы детдом не был изолированным островком, чтоб его жизнь была связана с общественной жизнью, с жизнью организаций, с жизнью рабочих, с детьми, живущими вне детдома. «Мы должны научить ребят ко всем явлениям общественной жизни подходить с точки зрения общественника-коллективиста,— считала она.— Мы должны прежде всего будить в ребятах глубокий интерес к явлениям общественной жизни». Надежда Константиновна советовала воспитателям шире втягивать детей, подростков во все виды общественной деятельности. «...Общение с окружающей средой, общественно полезная работа среди населения очень важны,— говорила она.— Эта работа, с одной стороны, воспитывает здоровую пролетарскую психологию у ребят, а с другой — перерабатывает до известной степени и психологию окружающего населения в его отношении к детскому дому» — снимает тот налет недоверчивости, настороженности, который кое-где, особенно в деревне, еще имеет место¹⁷.

Молодая сотрудница Наркомпроса Елизавета Глатман вспоминала об одной беседе Н. К. Крупской с детдомовцами-пионерами:

«Надежда Константиновна начала беседу с вопроса о дружбе и товариществе, о том, как важно и нужно учиться коллективно работать и жить. А потом стала задавать ребятам вопросы: где расположен их детский дом? Какой он? Есть ли при доме сад, двор? Близко ли от дома расположена деревня, есть ли в ней изба-читальня, много ли в деревне неграмотных?

Из ответов ребят выяснилось, что деревня расположена не далеко от детского дома, что в деревне есть изба-читальня, но часто бывает заперта, так как избач загружен работой в сельсовете, что в селе много неграмотных.

Выслушав ответы пионеров, Надежда Константиновна сказала:

— Вот пионеры часто ищут, какую бы общественно полезную работу проводить. А у вас она рядом. Можете вы помочь избачу в работе? — спросила она, обращаясь к ребятам.

— Можем,— слышалось несколько голосов.

— Можете помочь ему организовать в избе-читальне кружок по ликвидации неграмотности?..

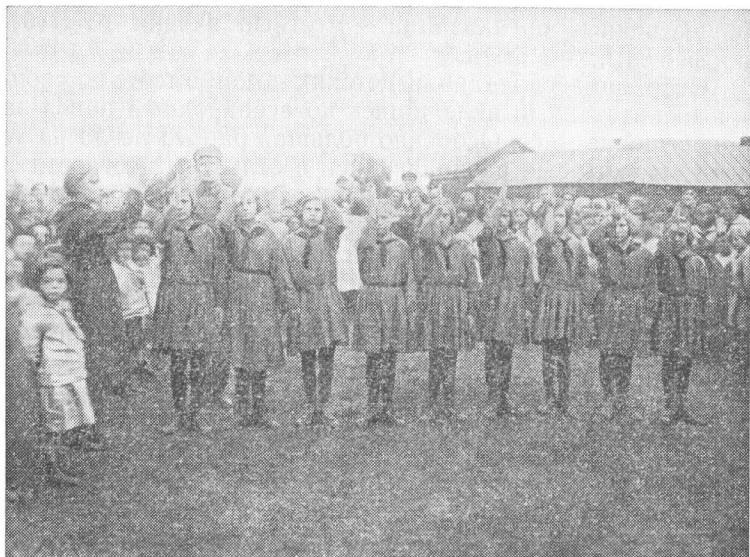
Ребята утвердительно закивали головами...

В заключение беседы Надежда Константиновна обратилась к пионерам с такими словами:

— Обучать взрослых грамоте, помогать школе во всей ее работе, шефствовать над малышами деревни, ухаживать за ними, когда матери обучаются грамоте или работают в поле, помогать отстающим в учебе школьникам, бороться за чистоту в деревне, помочь инвалиду гражданской войны или погорельцам обработать огород, помочь избе-читальне в устройстве праздников, разноске книг и газет, читке их крестьянам,— разве мало хороших дел, которые под силу пионерам?..»¹⁸.

Дорогами великих свершений, преодоления многих трудностей шла в годы перехода к мирному строительству Советская Республика. Среди многих задач, вставших перед страной, важными были задачи укрепления союза рабочего класса и крестьянства, выполнения ленинского призыва — учиться, ленинского указания о политическом и культурном просвещении трудящихся. В решение этих задач вносили свою посильную лепту и детские дома.

Два партийных документа стали отправными в просветительной деятельности детдомовцев: решение VIII съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» и принятый 26 декабря 1919 года декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». VIII съезд партии разработал план просветительной деятельности в деревне, включающий коммунистическую

Пионеры детского дома «Спартак» дают торжественное обещание.

пропаганду, общее и агрокультурное образование, определил конкретные пути осуществления этого плана. Съезд указал на необходимость распространения общей политической и специально для крестьян издаваемой литературы и газет, использования всех видов внешкольного образования и просвещения взрослого населения, включая и художественное ¹⁹.

Декрет о ликвидации безграмотности предписывал: «Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию» ²⁰. К этой работе привлекалось все грамотное население страны, все

общественные организации — местные ячейки РКП(б), профсоюзы, комсомол.

Старшие воспитанники детских домов вместе со своими воспитателями включились во всенародный поход за просвещение масс. Особенно большая работа легла на те детдома, которые располагались в сельской местности в окружении сел, где еще мало было учителей, клубных работников. Детдомовцы, как советовала Н. К. Крупская, помогали в организации сельских клубов, изб-читален, обучали неграмотных и малограмотных, носили в деревню книги и газеты из своих библиотек, читали их крестьянам. Не всегда легко и гладко шла эта работа. Приходилось преодолевать и собственную неопытность, и, порой, нежелание какой-то части местного населения идти на контакты. Были случаи, когда стремления детдомовцев наталкивались на кулацкое сопротивление.

...Село Успенское Звенигородского района, где располагалась в начале 20-х годов школа-коммуна Наркомпроса, далеко от железной дороги. Кругом такие же небольшие деревеньки. Не было ни больницы, ни клуба, ни даже избы-читальни. Среди окрестных крестьян — ни одного коммуниста. Не было и комсомольских ячеек, а сельсоветы еще слабые. Сильно влияние местных богатеев. Комсомольская организация школы-коммуны предложила сельсовету выделить помещение для избы-читальни, обязалась обслуживать ее своими силами. Но неожиданно последовал отказ.

Коммунары не сдались.

— Что ж, попытаемся завоевать доверие соседей другим путем, — решили они. — Давайте начнем с медицины. Сами видели, как нужна медпомощь в селах.

При школе существовала амбулатория, был неплохой запас медикаментов, работал опытный добрый врач. Он обещал свою помощь. И по селам пошли старшие воспи-

танники. Заходили в каждый дом, обращались прежде всего к матерям:

— Как здоровье ваших детишек? Не больны ли чем?

И в ответ часто слышали: «Как не больны! Кашляют, животом маются, лишай вскочил...»

— А вы приходите с ребятами к нам в любое время. У нас очень хороший доктор, он вылечит. Платить ничего не надо.

Какая мать не хочет здоровья своему ребенку! Зачастили женщины с больными детьми в школьную амбулаторию. Болезни по большей части были несложными, ребята поправлялись. А тяжело заболевших руководство школы устраивало в Звенигородскую больницу. За медицинской помощью стали обращаться взрослые. Конечно, им не было отказа. Первый шаг к сближению сделан.

Следующим шагом стала практическая помощь воспитанников крестьянам в сельскохозяйственных работах. Выходили на сельские поля старшие ребята. Весной 1921 года включились они в посевные работы. В первую очередь нужно было не забыть вдов и жен красноармейцев. Тут уже помогали старшие девочки.

Снова по избам прошли воспитанники. Часто заставляли картину: мать с ребятишками, оставить нельзя, а поле не ждет.

— За детей не беспокойтесь! Несите их на крайний выгон, там наши девчата за ними присмотрят.

На сухой поляне уже приготовлены скамейки, навесы, незатейливые игрушки. Нечто вроде детской площадки, яслей создали детдомовцы на все время посевной. С любовью возились девочки с малышами.

Еще шире развернулась помощь крестьянам окрестных сел во время уборочной 1921 года. Сложилось тогда для сельчан нелегкое положение: в самое горячее время началась эпидемия брюшного тифа. Без работников остались многие хозяйства. На их места вставали старшие

воспитанники детдома. А девочки вновь взяли на себя заботу о детях да еще ухаживали за заболевшими, высвобождая для уборки здоровых, мыли и дезинфицировали избы.

Не могли не оценить крестьяне щедрую бескорыстную помощь детдомовцев. Лед отчуждения был сломан. С каждым днем все больше и больше друзей становилось у школы. И не было неожиданным, когда осенью 1921 года сельсовет попросил у детского дома помощи в организации избы-читальни, выделив для нее лучшую избу в селе Успенском.

Никогда не пустовал этот первый участок просвещения. Детдомовцы передали сюда часть книг из своей библиотеки, приносили, читали вслух собравшимся свежие газеты, рассказывали о том, что делается в стране, за ее пределами. Много разговоров шло о начавшей тогда осуществляться новой экономической политике. Привлекались к таким беседам прежде всего воспитатели, но и старшие воспитанники-комсомольцы, тщательно готовясь, тоже давали посильные разъяснения.

А однажды дежурные по избе-читальне детдомовцы принесли с собой граммофон и пластинки:

— Вот, послушайте! Это очень важно.

И в воцарившейся тишине зазвучал родной голос Ильича. Это были три речи В. И. Ленина, связанные с вопросами нэпа. Они были записаны на грампластинки по его предложению 25 апреля 1921 года. Затаив дыхание слушали крестьяне ленинские слова, просили еще и еще раз поставить пластинку. Весть о том, что в избе-читальне можно услышать голос Ленина, распространилась по всему селу Успенскому, перекинулась в соседние деревни. Все новые и новые группы крестьян приходили в избу. Не уставая ставили заветную пластинку коммунары. Легче стало говорить с крестьянами, лучше стали воспринимать они смысл происходящих перемен.

И большой победой воспитанников детдома было то, что на их предложение создать в Успенском комсомольскую организацию молодежь сама ответила согласием. Ячейка РКСМ была образована здесь в 1922 году.

Часть воспитанников школы-коммуны жила в Москве. Их общественная работа в столице тоже была широка и плодотворна. Активно действовала комсомольская организация, которую возглавлял молодой преподаватель А. Стражев. Ни одно событие в жизни республики не проходило мимо комсомольцев. Вот что рассказывал, например, Стражев по поводу дискуссии о профсоюзах. «Дискуссия о профсоюзах в нашей ячейке, конечно, нашла отклик. Разбор литературы, выявление точек зрения, споры захватили ячейку на довольно долгий период. Дебаты велись не только в клубе, в кабинетах, но и в спальне, в столовой — словом, всюду, где было возможно.

Конечно, ребята были далеко не подготовлены, кроме единиц, к ясному пониманию сущности вопроса. Все же споры имели для них большое значение... Ребята призадумались над многими вопросами, так сказать посерьезнее посмотрели внутрь себя. Выросла необходимость более глубокого анализа окружающего»²¹.

Старшие воспитанники школы участвовали в разъяснительной работе во время перевыборов Советов. Вступали они и в части особого назначения (ЧОНы). Чоновцам-коммунарам было поручено в 1921 году помочь московской комиссии Помгола выполнить постановление Советского правительства об изъятии в фонд помощи голодающим части церковных ценностей.

...Вместе с представителем районного Совета под диктовку искусствоведа-специалиста воспитанники школы описывали в одной из церквей Хамовнического района снятые с икон золотые и серебряные оклады, панагии, чаши. Опись закончена.

— Ну, давайте выносить!

Но только вышли ребята на паперть, с криком отскочили: на них обрушился град камней.

— Быстро запирайте двери! — скомандовал работник Совета. И тут же с волнением бросился к двум юношам: — Вы ранены?

У одного из головы, у другого из руки сочилась кровь.

— Ничего, пустяки, — отмахнулись чоновцы.

Ранения действительно оказались нетяжелыми. Что же произошло? Как потом выяснилось, группа прихожан, спровоцированная реакционными элементами из служителей церкви, решила подобным способом «защитить святыни». Несколько часов пришлось провести детдомовцам в запертом помещении, пока на помощь не прибыл отряд милиции.

Не раз в первые годы Советской власти сталкивались воспитанники детских домов с различными проявлениями классовой борьбы. И в этих коллизиях формировалась у детдомовцев та «здоровая пролетарская психология», о которой говорила Н. К. Крупская, они учились лучше разбираться в сути происходящих событий.

...В Измайлове, которое в то время было далекой окраиной, еще в 1919 году был открыт детский дом. Назывался он несколько странно — «Измайловский зверинец». Название происходило от места расположения дома, когда-то там был царский зоопарк. Как и все детские дома, жил тогда «Зверинец» плохо. В заселенном дачном Измайлове нельзя было найти даже места для огородов, да и ребята там были младших возрастов, не могли осилить больших сельскохозяйственных работ. По мере сил оказывали помощь детдому, отрывая от своего пайка, шефы-красноармейцы батальона, стоявшего рядом. Проявляя буквально чудеса изворотливости, доставал продукты и одежду прикрепленный от Совета рабочих с Благуши Пилосов. Рядом с детским домом жил и работал скульптор С. Д. Меркуров. Был у него неболь-

шой яблоневый сад, и значительную часть собранных яблок он отдавал детдомовцам.

Первый год новой экономической политики мало что изменил в жизни воспитанников. А неподалеку открыл фабрику, вырабатывающую крахмал, один из тех, кого тогда называли нэпманом. При фабрике — большое картофельное поле. Урожай убран, но, как всегда, какая-то часть картошки осталась в земле. И воспитатели детдома решили вместе с воспитанниками собрать эти остатки.

Копали долго, несколько ведер — больше обрезков — все же собрали. И то подспорье! Довольные, хотели уже отправиться домой. И вдруг сердитый окрик: «Кто позволил вам здесь собирать?» К полю шел сам «хозяин» в сопровождении двух служащих.

— Это детдомовцы, у них очень мало еды, а у вас все равно остатки пропадут, — пыталась робко объяснить молодая воспитательница Евгения Константиновна Крандиевская.

— А мне все равно, кто вы. Самоуправства не потерплю, — отрезал новоиспеченный владелец. Повернувшись к спутникам, он приказал: «Забрать у них все!» — и, не оглядываясь, прошествовал в контору.

— Детям пожалел! — сквозь зубы, злобно глядя ему вслед, процедил один из служащих.

А другой, постарше, шепнул воспитательнице:

— А вы его попросите хорошенько. Может быть, и уговорите. Мы вас здесь подождем.

Евгения Константиновна, подумав, решила:

— Лида, Маруся, идемте со мной!

Понуро сидели в ожидании ушедших дети. Вот, наконец, они возвращаются. Опустив глаза, шли Лида и Маруся. Румянцем смущения было залито лицо Крандиевской.

— Разрешил! — бросила она.

А девочки упавшими голосами добавили:

— Уж как мы его просили. И пели ему, и танцевали. Стыдно было.

Да, это был урок. Бессознательно дети уловили разницу между той бескорыстной помощью, которую они повседневно получали от своих искренних друзей, и этой унижительной подачкой. Появились и вопросы. На них отвечали шефы из батальона, в доступной для детей форме разъясняя сущность нэпа.

И в деревне приходилось воспитанникам сталкиваться с проявлениями отсталых взглядов и классово-враждебной идеологии, даже в более поздние годы.

...Щелковский райком комсомола поручил комсомольской организации щелковского детского поселка «Юная республика» взять культурное шефство над деревней Жарково, расположенной в трех километрах от детдома.

— Будет вам не всегда легко,— предупреждали в райкоме.— В Жаркове ни коммунистов, ни комсомольцев нет. Пионеротряд когда-то был организован, но работы с ним не велось. Крестьяне недоверчивы, к ним подход нужен.

Жарково — небольшое село. Клуба, избы-читальни не было. Вся культурная жизнь сосредоточивалась в начальной школе, где работала, ведя одновременно занятия с двумя классами, замечательная, уже немолодая учительница Ольга Ивановна Горшкова. К ней-то и рекомендовал обращаться по всем вопросам райком комсомола. Позже Ольга Ивановна стала большим другом «Юной республики».

Из комсомольцев детдома образовали отряд культармейцев. Включены в него те, кто должен был обучать неграмотных и малограмотных, вести драмкружок, работать с пионерами.

В морозный день на самодельных лыжах кое-как одетые и обутые выехали культармейцы первый раз в Жарково. Решили пока сами обойти все дома, поговорить с жителями, рассказать о своих планах, но деревня словно

На сенокосе.

вымерла. На окнах задергивались занавески, на стук никто не откликнулся. Обескураженные, да и порядком замерзшие, ребята вспомнили о школе. Ольга Ивановна, открыв двери, первым делом скомандовала — всем разуваться! Всем греться у печки! Стащили с себя девчата и парнишки полуразвалившиеся ботинки. Учительница достала теплые чулки, вскипятила чай. Немного погодя отогрелись.

— А вот теперь давайте разговаривать,— сказала учительница.— Знаю о вас. Что ж сразу не зашли? У нас незнакомых опасаются. Ну, рассказывайте, что думаете делать?

— Я хочу создать драмкружок,— сказала Валя Жигалова.— Паша Зенина, Вера Боженова, Тася Сторожилова, Ника Васильев, Сима Балдин, Сережа Сафронов будут вести ликбез. А Феня Дубенюк и Аня Павлова рекомендованы пионервожатыми.

— Ну что ж, я помогу. Те, кто будет обучать неграмотных, идите в сельсовет, там вас председатель уже поджидает. А Валя, Феня и Аня через недельку сюда в школу приходите. Я вам молодежь соберу, детей после уроков задержу.

Ликбезники отправились в сельсовет. Его председатель — сам не очень еще грамотный, но энергичный, толковый — вызвал будущих учениц — крестьянок. Было им лет по 30—40, но детдомовцам они показались пожилыми. Познакомились, рассказали, как будут проходить занятия и что весной им придется сдавать экзамен. Вот последнего-то, оказалось, лучше было не говорить.

Распрощались по-хорошему. Через два дня ликбезники снова на лыжах приехали в Жарково. Еще перед деревней их повстречали мальчишки, поздоровались, спросили, куда едут, и вдруг... бегом сорвались к своим домам. И когда ребята подошли к тем избам, где их должны были ждать ученицы,— никого в них не было. Как потом выяснилось, испугавшись экзаменов и выслав на разведку мальчишек, они, предупрежденные ребятами, попрятались у подружек. Огорчились ликбезники, а еще больше огорчился председатель сельсовета, но быстро принял меры: прикрикнул на торчащих тут же «разведчиков» и велел им срочно привести матерей. Нашли всех учениц, успокоили, развели по домам к своим учителям. Больше конфликтов не возникало. Наоборот, установилась хорошая дружба. Занятия шли успешно. А весной в битком набитой комнате сельсовета все ученицы успешно сдали экзамен — читали буквари, писали под диктов-

ку несложные фразы. Детдомовцы подготовили им подарки — книжки рассказов Л. Толстого, Н. Ушинского. С горячей благодарностью провожали жарковские крестьяне своих учителей.

Подстергали неожиданности и Валю Жигалову. Когда она в назначенный Ольгой Ивановной день пришла в школу, то увидела — за партами, еле помещаясь, сидят одни парни.

— Это вы хотите играть спектакли? — растерянно спросила она.

— Мы, — дружно ответили собравшиеся.

— А где же девушки?

— Девчат не жди. Их матери и бабки не пускают.

— Так кто же будет исполнять женские роли?

— Вот мы и будем. Переоденемся.

Ничего не поделаешь, пришлось подобрать пьесу, где почти все роли были мужские. Называлась она «Правь на север». Речь шла в ней о восстании моряков на корабле русского флота. Единственную женскую роль — старой барыни-пассажирки — с большим успехом сыграл один из парнишек.

Трудней всего пришлось Фене Дубенюк и Ане Павловой. Девочки только недавно были приняты в комсомол.

— Это будет ваше первое комсомольское поручение, — сказал секретарь детдомовской ячейки комсомола Саша Шорин, направляя их на пионерскую работу в Жарково. — Но учтите, начинать придется все заново, там пионеротряд только на бумаге числится.

Старший пионервожатый «Юной республики» Митя Масленников подробно проинструктировал девчат, подобрал им номера «Пионерской правды», детских журналов. Как и было договорено с Ольгой Ивановной, Феня и Аня пришли в школу к концу уроков. Учительница предложила остаться пионерам. Их оказалось около двадцати. Но ни на одном не было пионерского галстука.

Пришедшие назвали себя, сказали, что им поручено быть пионервожатыми.

— Давайте знакомиться. Кто из вас председатель отряда? Члены совета отряда? Кто вожатые звеньев?

Вопросы как будто повисали в пустоте: никто из ребят не встал, не поднял руку.

— А список отряда у вас есть?

Опять ответом было настороженное молчание.

— Ну что же,— не смутилась Феня,— давайте-ка составим сначала новый список. Называйте свое имя, фамилию. Начнем с первого ряда. Говори, мальчик, как тебя зовут?

С парты поднялся нахмуренный парнишка.

— А я не хочу быть пионером,— вдруг заявил он.— Выпишите меня,— и быстро выбежал из класса.

— И я не хочу! И я! — как по команде закричали все дети.— Выписывайте и нас,— и один за другим сорвались с места и выскочили за дверь. Класс вмиг опустел.

Потрясенные, не зная, что сказать, стояли Аня и Феня. В комнату вошла Ольга Ивановна. Узнав, в чем дело, она с грустной улыбкой сказала:

— Не расстраивайтесь, девочки. Село у нас трудное, есть такие, которые исподтишка мешают. А вы нас не бросайте, ходите к детям, со временем своего добьетесь.

Огорченные, вернулись девчата домой. Сразу к Саше Шорину.

— Да,— сказал он, выслушав их невеселый рассказ.— Это сюрприз. Но вы рук не опускайте. Поручение с вас не снимается. Правильно Ольга Ивановна сказала — ходите в Жарково, работайте с детьми так, как вы работали бы с пионерами, заинтересовывайте, убеждайте их. Готовьте восстановление пионеротряда.

Комсомолки так и сделали. Раз в неделю приходили они в школу. У Фени был хороший слух и голос, она разучивала с ребятами новые песни. Аня занималась с

ними художественной гимнастикой. Обе поочередно рассказывали детям о том, что делается в стране, как работают пионеротряды, читали «Пионерскую правду», детские книги. Постепенно ребяташки привязались к своим молодым веселым вожатым, начали рассказывать о себе, о своих семьях. Удалось из этих разговоров понять, что против пионерского отряда вели агитацию местные кулаки, влияя на родителей, а через них — на детей. Единым фронтом действовали юнресовцы. Убеждали своих учеников и учениц культурмейцы-ликбезники, просили взрослых не мешать ребятам стать пионерами.

Через своих драмкружковцев, буквально влюбившихся в нее, действовала Валя Жигалова. Конечно же помогала учительница.

И настал, правда нескоро, день, когда объединенные усилия детдомовцев увенчались успехом. На торжественном сборе жарковским ребятам вновь были повязаны алые пионерские галстуки.

Выполняли воспитанники детских домов в то время и совет Н. К. Крупской — работать с детьми, живущими вне дома. В детдомах к середине 20-х годов уже был накоплен неплохой опыт культурной работы. Было чем поделиться со своими товарищами — и школьниками и малямами.

Одним из первых развернул работу с детьми соседних улиц опытный клуб «Детский уголок при отделе социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) Главсоцвоса». Членами этого клуба были только детдомовцы. В клубе хорошо зарекомендовали себя кружки «Юннаты», «Друзья читальни» и другие, действовала детская ячейка здравоохранения, кукольный театр. Все накопленное члены клуба решили вынести за его стены. Вначале они создали группу, назвавшую себя «инициативно-разведочным кружком». «Разведчики» пошли по дворам. Их интересовало, есть ли там ребяташки, не по-

сеещающие детские сады, чем занимаются школьники после уроков, в каникулы. Присмотрели они и место для игровых и спортивных площадок.

А в одно из воскресений все члены клуба веселой гурьбой с лопатами и граблями явились на выбранные места, и работа закипела. Дружно расчищали площадки, делали клумбы, окапывали деревья, сажали цветы.

На смех и шутки сбежалась местная ребятня. Подходили и взрослые.

— Что же здесь будет?

— А вот приходите в следующее воскресенье, увидите. Для вас делаем.

— Ну, так мы поможем.

— Помогайте!

Дело пошло еще лучше.

И скоро веселые крики детворы огласили соседние с клубом кварталы. Под руководством детдомовцев с увлечением играли ребята в лапту, городки. Радостно встретили малыши выступление клубного кукольного театра.

И такие встречи стали постоянными, летом почти ежедневными. Девочки из «Детского уголка» возились с дошкольниками, помогали работающим матерям ухаживать за заболевшими детьми. Старшим члены кружка «Друзья читальни» приносили книги, газеты, журналы, прочитывали наиболее интересные рассказы, заметки. Тогда часто проводились различные дни — день леса, день охраны птиц, трехдневник белой ромашки (по борьбе с туберкулезом). Широко участвовали в них члены клуба, привлекали и своих новых друзей. Дети с соседних улиц потянулись в клуб, становились участниками кружков, сами выступали с самодеятельными концертами у себя во дворах. С каждым днем проникались все большим уважением и симпатией к детдомовцам жители района.

Живя жизнью своей страны, воспитанники первых детских домов делили с ней скорбь и радость.

С первыми проблесками общественного сознания входило в мысли и чувства детдомовцев дорогое имя Ильича. Вот что писал выросший в детдоме поэт:

О нем у нас беседы шли на сборах,
Читались книги вечером и днем,
У нас бывали люди,
От которых
Мы знали все подробности о нем...

Нет, я на юность вовсе не в обиде —
Она прошла в смятенье многих дел.
Пусть я глазами Ленина не видел —
Его в те дни я сердцем разглядел.

И когда великое горе — кончина Ленина — постигло страну, вместе со всеми советскими людьми переживали невосполнимую утрату и «государственные дети».

Делегации детдомов Москвы и Подмосковья пришли и приехали проститься с Ильичем. В жгучий мороз шли они в траурных рядах у Дома союзов. Поближе к кострам подталкивали замерзавших ребятишек стоящие рядом с ними взрослые. Были некоторые детдомовцы и на прощальном митинге у стен Кремля. Бывшие воспитанники Тучковского детского дома вспоминают об этом в наши дни: «Мы были тогда еще очень малы, многого из речей не понимали. Но навсегда врезалось в память — замерзшие в молчании люди, много людей, слезы, текущие по обмерзшим лицам. Мы сердцем почувствовали боль и горе, но, наверное, подсознательно почувствовали и другое — единство, сплоченность собравшихся, их решимость продолжать дело Ильича. Вернувшись домой, мы в зале увидели плакат «Ленин умер, но дело его живет» — и всей душой поверили в это»²².

Запомнились бывшим детдомовцам и дни радостных,

торжественных революционных праздников. С какой неподнятостью участвовали они в праздничных демонстрациях! Вот одно из таких воспоминаний.

В 1923 году воспитанники 23-го санаторного детского дома в Сокольниках первый раз побывали на демонстрации 7 ноября. Шефы — рабочие «Красного богатыря» — выделили грузовик. Многие дети вообще еще ни разу не сажались в автомобиль. Незабываемой для ребят была эта поездка. «Мы ликуем и поем, и орем и подпрыгиваем, — писала позже одна из ее участниц. — Мы забыли обо всем на свете. Общее счастье захватило нас целиком. И когда много лет спустя, уже немолодыми, мы встречались, то среди первых «А помнишь, а помнишь» было обязательное «А помнишь, как мы ездили на первую в жизни демонстрацию?»²³.

По-особому отмечался праздник 8 марта в «Юной республике». В этот день, а он тогда был еще рабочим, старшие воспитанники заменяли всех женщин обслуживающего персонала — уборщиц, поварих, прачек, скотниц. Остроумные учкомовцы, прекрасно знавшие нехитрые сердечные тайны своих товарищей, так подбирали группы заменяющих, что в них попадали юноши и девушки, симпатизирующие друг другу. Сколько было веселья, шуток, как легко, с охотой справлялись детдомовцы с любой работой. И как приятно было им вечером, на торжественном собрании услышать искренние, теплые слова благодарности от отдохнувших в этот день женщин.

Привычку активно участвовать в делах коллектива воспитанники детдомов сохранили в своей дальнейшей жизни.

В 1929 году комиссия Главсоцвоса Московского отдела народного образования, проверяя состояние работы в ряде техникумов и школ фабрично-заводского ученичества, интересовалась, какое участие в общественной работе этих учебных заведений принимают обучающиеся в

них детдомовцы. И оказалось, что подавляющее их большинство — активны: избраны секретарями комсомольских ячеек, членами комсомольских бюро, возглавляют другие общественные организации, кружки, ведут просветительскую работу среди населения. Преподаватели техникумов, ФЗУ отмечали, что бывшие воспитанники в своей массе серьезны и аккуратны в работе, приучены читать газеты, для них характерна «высокая рабочая дисциплина, любознательность и желание работать, товарищеская солидарность, наличие чувства коллективизма, желание заниматься общественной работой»²⁴.

И такие качества первые детдомовцы пронесли через все свои трудовые годы.

Ни школьные занятия, ни порой совсем нелегкий труд, ни большие общественные обязанности не мешали детдомовцам познавать радости детства и отрочества, развивать свои способности, веселиться, наслаждаться общением со сверстниками, со своими любимыми воспитателями, словом — жить полнокровной, интересной жизнью.

УМЕЛИ ОТДЫХАТЬ И ДРУЖИТЬ

Когда сейчас мы, бывшие воспитанники первых детских домов, рассказываем внукам, да уже и правнукам, о своем детстве, часто слышим: «Ой, как вам невесело жилось! Ничего-то у вас для развлечений не было».

Да, тогда не было у молодежи таких развлечений, как транзисторы, магнитофоны, телевизоры, дискотеки и прочее. Редко-редко, тем более в загородные детские дома, приезжала кинопередвижка. Еще более редкими были поездки в театр. Но как к этим поездкам готовились! Заранее читали пьесы или слушали рассказы воспитателей об их авторах, о написанных ими произведениях. После обсуждали увиденное, рисовали запомнившиеся сценки. Разговоров хватало на целые недели.

Еще позже появилось радио — неказистые детекторные приемники. Чтобы что-то услышать — и то через наушники — приходилось долго отыскивать тоненькой проволочкой место на крохотном кристалле — детекторе. И такие приемники казались чудом. Когда в Бурышкинский детский дом Юра Зимин привез от своих родственников первый приемник, к нему выстроились в очередь все воспитанники. Ребята называли приемник ЭЧП — эх, что придумали!

Детдомовцы никогда не скучали. Напротив, детство вспоминается им сейчас как самое веселое, наполненное интересными делами время.

К примеру, кружки. Простые, просто бедные, примитивные по сравнению с теми, которые работают сейчас в Домах пионеров, Домах юных техников, клубах. Но зато какие любимые!

Воспитанники с увлечением выпиливали, выжигали по дереву, рисовали, шили, вышивали, мастерили игрушки для малышей, клеили альбомы. Завершением работы кружков были весенние выставки. Каких только поделок на них не было! Здесь же можно было увидеть результаты работы самоуправления, получить разнообразные сведения о жизни дома, его связях с шефами. Любили эти выставки ребята, с удовольствием участвовали в их организации.

Вот как, например, рассказывали об одной такой выставке воспитанники детколони «Искра»: «Каждый кружок, каждая комиссия учкома дали свой материал. Есть «уголок стенной прессы», «уголок санитарии» с девизом «Свежий воздух днем и ночью, обилие воды, гимнастика и игры сделают нас здоровыми и сильными». Здесь же — целые груды простых физических приборов, сделанных из бросового материала, разные астрономические и метеорологические карты, рисунки... Все заняты приколачиванием плакатов, размещением поделок. Рисовальщи-

ки, лежа на полу, докрашивают на девяти листах, которые надо склеить вместе, шесть гигантских слов: «Сильные руки. Сильная воля. Активная мысль». Это — девиз воспитанников. А над дверью помещают эмблему колонии: раскрытая книга, молот и искры. Звонок к обеду не производит обычного впечатления, хочется кончить работу, полюбоваться общим эффектом. Рассматривают, читают надписи, любят удачными рисунками, вышивками.

— Суп стынет,— взывает дежурный.— Идите мыть руки. Вы задерживаете дежурных. Им тоже хочется выставку осмотреть.

С шумом, продолжая сравнивать разные «уголки», идут ребята, наконец, в столовую»²⁵.

Самым популярным у детдомовцев был драмкружок. Увлечение постановками стало повальным для всех детских домов с самых ранних дней их существования. Ставили все, что можно — от инсценировок «Колобка» и «Теремка», разыгрываемых малышами, до пьес А. Чехова, Н. Гоголя, М. Горького, молодых советских авторов. Спектаклями, литературно-музыкальными монтажами отмечали все революционные праздники, все памятные даты. Когда не хватало опубликованного материала, сами делали инсценировки, даже ставили пьесы собственного сочинения.

Участие в драмкружках было не просто развлечением. Дети, подростки расширяли свой кругозор, укрепляли память, приучались держаться на сцене. Еще важнее было общественное значение этой работы.. На все постановки в детские дома приходили гости с шефствующих предприятий, с соседних улиц, а в сельской местности — из окрестных деревень. Не смущало гостей то, что спектакли, концерты проходили в обычной комнате, без всякой сцены, с занавесом из одеял или простыней. Импровизированные зрительные залы заполнялись до от-

каза. С лучшими своими постановками драмкружковцы выезжали на фабрики и заводы, в села.

Те, кто не был занят в постановках, мастерили бутафорию. Доподлинно из ничего — из марли, картона, старых простыней — делали костюмы. В ход шли охотно отдаваемые одежда и вещи из комнат воспитателей.

Были в детдомах особо радостные дни — дни приезда писателей, поэтов, профессиональных артистов. Все делалось в порядке шефской помощи. Навсегда запомнили воспитанники детдома на Серпуховке, как в гости к ним пришел Максим Горький, его сердечные разговоры, расспросы, напутствия. Частым посетителем в Сергиевской колонии был поэт Владимир Луговской. Многие его стихи воспитанники знали наизусть.

В детпоселок «Юная республика» не раз приезжал со своими первыми куклами тогда еще только начинающий свой артистический путь Сергей Образцов. Сергей Владимирович любил детские дома, сам он в ранней юности работал воспитателем и преподавателем рисования в московском детдоме «Улей».

Досуг детдомовцев был всегда связан с книгой. Немало книг осталось от старых владельцев зданий, где размещались детдома. Присылали литературу отделы народного образования, дарили шефы. Ведали выдачей книг сами воспитанники. А опытные воспитатели учили детей читать вдумчиво, не торопясь. Каждый знал, что, возвращая книгу, он должен будет обязательно рассказать о ней, определить ее главную мысль, сказать свое мнение о персонажах, о наиболее запомнившихся описанных событиях и т. д. Проводились чтения вслух с последующим коллективным обсуждением. Очень любили дети в зимние вечера смотреть «туманные картины» — так тогда назывались слайды, послушать сопровождавшие их рассказы воспитателей. Из них узнавали детдо-

мовцы о творчестве великих художников, о памятниках архитектуры, о новых городах и странах.

Немалое влияние на занятия в свободное время оказывали увлечения и способности воспитателей. Страстно любила музыку воспитательница Сергиевской колонии Анна Павловна Орнатская. Учила она всех, если и не играть — способных было не так уж много, то любить, понимать музыку. По вечерам играла на стареньком пианино Бетховена, Баха, Листа, Равеля, Чайковского, много рассказывала о композиторах, об их произведениях. В слушателях недостатка у нее не было.

А в Бурышкинском детском доме его заведующий Николай Александрович Арсеньев был хорошим шахматистом. И все воспитанники, не только мальчики, но и девочки, играли в шахматы. Увлечение это у многих сохранилось на всю жизнь. Бывший воспитанник Бурышкина Евгений Михайлович Громцев рассказывал, что он пронес любовь к шахматам через все годы. Она скрашивала ему фронтовые дни, когда в недолгие часы затишья играл он с такими же любителями вылепленными из глины фигурами. Больше того, он передал увлечение своим детям и внукам.

И конечно же немалую часть свободного времени занимало то, что так необходимо детям и подросткам — подвижные игры, спорт.

Играм в детдомах придавала большое значение Н. К. Крупская. Не раз она говорила о том, что не следует воспитателям занимать детей одними серьезными делами, а такие случаи бывали, советовала больше уделять времени для игры интересной, занимательной, на свежем воздухе, в движении, подчеркивая, что чрезвычайно важно, чтобы и в игре дети научились организовываться и коллективно налаживать свою жизнь²⁶.

В какие только игры не играли детдомовцы: лапта, казаки-разбойники, «красные и белые». И требовали эти

Воспитанники «Юной республики» на занятиях в изокружке.

игры выносливости, ловкости, смекалки. Часами ребята могли бегать, прятаться, упражняться в меткости. Увлекались и спортивными играми. Правда, долго не было в детдомах настоящего спортивного инвентаря. Только в конце 20-х годов пришел к ним волейбол и баскетбол. А вот в футбол, чаще всего мячами, сделанными из тряпок, из обрезков кожи, мальчишки играли целыми днями. И наловчились, случалось обыгрывали своих соперников из соседних поселков и деревень. Любили воспитанники и зимние виды спорта — лыжи, коньки. Настоящих лыж тоже долго не было. Делали их сами: приколачивали ремешки к дощечкам от разломанных старых бочек. Без палок, на таких самоделках уходили в горо-

дах на пустыри, в сельских местностях — в леса и поля.

Во дворах сами заливали катки. С помощью веревок и щепок прикручивали к ботинкам и валенкам старые «снегурки» — обычно подарки шефов, а то и просто сделанные в своих мастерских обитые жостью полозья. Сами строили снежные горки, катались на чем попало — салазок почти и не было.

Было еще одно, что украшало жизнь воспитанников детских домов — тесное общение с природой, возможность постоянно ощущать ее красоту, успокаивающее воздействие. Особенно испытывали эту радость дети, жившие за городом. Красивые дворцы, дома бывших помещиков отдала Советская власть детям. Дворцы эти окружали парки, цветущие луга и поля, в ту пору еще не вырубленные, полные грибов и ягод леса, чистые реки.

А детские дома, помещавшиеся в черте Москвы, на все лето выезжали в красивейшие места Подмосковья. На станции Дорохово, на крутом берегу реки Рузы, в месте ее слияния с Москвой-рекой, каждое лето селились в просторных бывших помещичьих домах и дачах воспитанники московских детских домов «Улей», «Раннее утро», «Звездочка», «Ручеек». Кругом леса, холмы и луга. И не пугало воспитанников, что станция железной дороги в 12 верстах, и всем, кроме самых маленьких, приходилось идти пешком. Зато какой отдых их ожидал!

Каждое лето — это время походов, прогулок, ночевок у костров и, конечно же — купанья. Бояться воды в детдоме было не принято. Все воспитанники великолепно плавали, ныряли, гребли на самодельных плотках. Детдомовцы закалялись, не боялись плохой погоды, холода, болели редко и недолго, хотя условия жизни были суровыми. Писатель Вадим Шефнер, прошедший годы гражданской войны в трех детских домах, вспоминал: «На все мои ранние жизненные впечатления накладывается ощущение озноба, тоски по теплу, не по душевному, а по са-

мому обыкновенному, печному... И не один я мерз — все тогда мерзли. Однако, размышляю я теперь, все же то был не убийственный, не разрушающий душу холод: ведь поколение, испытавшее его, выросло выносливым и, в общем-то, здоровым. И, кто знает, проведи я свои детские годы в сытости, тепле и холе, не получи я такого жесткого тренажа, смог ли бы я выдержать голод и холод ленинградской блокады?»²⁷.

Но самое главное, что запомнилось бывшим воспитанникам, прошло с ними через всю их жизнь,— это совершенно неповторимая атмосфера дружбы, товарищества, существовавшая в детдомах. Конечно, дети тосковали по семье, мечтали найти родителей. Эта тоска жила и у тех, кто познал тяжесть беспризорщины. Вадим Шефнер рассказывал о своих товарищах: «Многие... успели пройти огонь и воду и наездить тысячи километров в вагонах, на крышах вагонов и в тормозных ящиках под вагонами, успели побывать во многих городах так, что за плечами у них имелся уже немалый жизненный опыт, причем довольно односторонний, тяжелый, грубый. Однако, несмотря на это, все детдомовцы были очень чувствительны, сентиментальны, и во всех жила печаль по родному дому. Даже те, кто вообще не знал и не помнил своих родителей, тоже рассказывали о них, сами придумывали себе родной дом»²⁸.

Иногда родители находились, но чаще нет. И тогда детский дом становился для его обитателей единственной семьей, коллективом. И главное, что могло сплотить коллектив, сделать его подлинной семьей, было товарищество, дружба. Н. К. Крупская особенно подчеркивала значение товарищества: «Если мы хотим, чтобы наши детские дома действительно много дали ребятам... то первое, что необходимо... — это товарищеская спайка»; «Воспитатель и жизненная обстановка детского дома должны способствовать сплочению коллектива. Товарищеская

взаимопомощь, интересная жизнь, возможность для каждого применить свои силы на общей работе, бережное отношение к более слабым, взаимное доверие — вот путь к организации коллектива»²⁹.

Детский дом — это коллектив со своими законами, традициями, нормами взаимоотношений. Основой этих законов и норм было равенство всех воспитанников во всех областях их жизни. Все получали одинаковую одежду, питание, все несли примерно равные трудовые и общественные обязанности. Никто не имел каких-либо привилегий, льгот — ими не пользовались даже члены органов самоуправления. Сам строй детдомовской жизни определял такую норму взаимоотношений, как товарищеская выручка, забота друг о друге. Распорядившиеся продовольствием воспитанники обязаны были следить, чтобы все дети вовремя получали еду, чтобы не были забыты те, кто занят на хозяйственных работах, выполняет какие-либо другие поручения. Когда бы они не приходили в столовую, на кухню, их всегда ждали дежурные члены продкомиссии.

«Вечным огоньком в кухне» ласково называли в Сергиевской колонии воспитанницу Аню Соболеву, исполнявшую обязанности помощника завхоза. Как бы поздно ни возвращались из поездок за продовольствием, за дровами ее товарищи, она ждала их в кухне с десятилинейной керосиновой лампой, поддерживала тепло в русской печи, подогревала ужин.

В детском доме № 12 Малаховского детского городка заботливой хозяйшкой была бессменный председатель хозкомиссии Наташа Пожидаева. Всегда замечала она, кому нужно починить обувь, сменить неудобные подушки и матрацы, а кого немного подкормить.

Приучало подростков заботиться друг о друге вводимое в некоторых детских домах внутреннее шефство. Каждой старшей девочке назначался подшефный — мальчик

из одноклассников. Девочки следили, ходят ли их подшефные чистыми, подстриженными, не надо ли починить им одежду, сдать в ремонт обувь. А мальчики должны были помогать своим шефам — девочкам во время дежурств, выполнять за них более тяжелые работы. И из такого шефства часто вырастала прочная дружба, продолжавшаяся и после выпуска из детдома.

Конечно, далеко не везде складывались идеальные взаимоотношения между воспитанниками. Были случаи побегов из детдомов. Встречались среди детей и эгоисты, и злые, неуживчивые ребята, насмешники. Но дружно осуждали их сами ребята. Без официальных санкций, иногда незаметно для воспитателей применяли они свои меры воздействия. Самой сильной мерой был бойкот. Бойкотируемого не замечали, с ним не разговаривали, в игры не принимали, его услугами не пользовались. Долго такого воздействия никто не выдерживал.

Но в целом детдомовцы жили дружно и весело, с бьющим через край задором. Обратимся еще раз к воспоминаниям Татьяны Луговской. Она очень хорошо характеризует тонус детдомовской жизни. Луговская писала: «Все мы в колонии делали легко и до отказа. Все бушевало в нас. Работать — до упаду. Жалеть — до слез. Если у кого чего не было — отдавали свое. Хохотали до одурения. Музыка слушали — до самозабвения. Купались — до посинения, до лязга зубами. Если прыгали в воду с высокого берега, обязательно надо было попасть головой в омут, а не просто в воду. Бегать — если зимой, то по насту, летом — под ливнем, громом и молнией в поле»³⁰.

Было еще одно, что способствовало образованию в детских домах атмосферы дружбы, помогало детям забывать свое сиротство. Это самоотверженный труд воспитателей. Нелегко сейчас представить, насколько этот труд был сложным, требующим максимального напря-

жения душевных и физических сил. Воспитатели были призваны не только заботиться о детях, учить, воспитывать их. Главное — они были призваны любить детей. Без такой любви нельзя было превратить детский дом в семью.

В первые годы Советской власти шел как бы естественный отбор воспитателей. В период голода, гражданской войны на работу в детские дома шли иногда те, кто видел в этом возможность как-то прокормиться, спасти от недоедания свои семьи. Те, кто не имел истинного призвания, не полюбил детдома, позже, когда положение выправилось, уходили. Но очень многие оставались, становились для детдомовцев родными людьми.

Воспитатели делили с воспитанниками все трудности, участвовали во всех полевых и других работах. Жили под одной крышей, вместе питались. Их рабочий день фактически не был ограничен. Члены семей воспитателей, даже если они и не являлись сотрудниками детдомов, тоже работали с детьми, вели кружки, помогали в поле, в саду. Сыновья и дочери воспитателей жили той же жизнью, подчинялись тем же правилам, что и остальные воспитанники. А малышей, детей воспитателей, вынуживал буквально весь дом.

И совершенно заслуженными было то уважение, любовь, доверие, благодарность, которыми в подавляющем большинстве детдомов платили своим старшим товарищам детдомовцы.

СОХРАНЯЯ ЛУЧШЕЕ

Десятилетия прошли с того времени, когда начинали свой нелегкий путь наши первые детдома. В невозвратное прошлое ушли бедность, скученность, холод. Забыты скудное питание, убогая одежда. Но сохранилось, передано будущим поколениям то главное, лучшее, что на-

коплено детскими домами в суровые годы: привычка к труду, стойкость в преодолении трудностей, чувство товарищества, дружбы, внимание и забота старших.

И так же, как те, кто рос в наших первых детдомах, детдомовцы последующих лет полны глубокой благодарности к советской Родине, к тем, кто не дал им почувствовать горечь сиротства. Вот что пишет воспитывавшийся уже после Великой Отечественной войны в детском доме Леонид Борисович Уваров: «С той поры прошло много лет, но я никогда не забываю тех, кто заменил мне родителей, часто навещаю своих учителей и воспитателей»¹. Те же чувства выражает Иван Иванович Иванов, проведенный в детском доме 1960—1966 годы: «Мне уже за тридцать, а я все так же часто вспоминаю родной детдом. Очень многое дали мне наши воспитатели: знания, умение работать, понимать людей... Я их заботу всю жизнь буду носить в своем сердце»².

По-прежнему растут в детских домах приученные к труду, выносливые ребята. Завуч одного из детских домов, расположенного в сельской местности, Лидия Алексеевна Кочерова с гордостью говорит: «Мы — дети крестьянские, деревенские. Живем в селе; на природе и знаем цену молоку, знаем, сколько надо скосить сена для наших буренок, как его сохранить. Да, к здешним детям любовь к труду приходит естественно, так сказать «в познании предмета». И потому детдомовские ребята вырастают, как правило, тружениками, людьми честными, мужественными среди них нет. Они прекрасно понимают, что делает для них наше государство и что сильно оно трудом человека»³.

С каждым годом все больше и больше средств выделяет на содержание детских домов и интернатов Советское правительство. Все шире, богаче, разнообразнее становится помощь детдомам со стороны шефствующих предприятий и организаций. Самоотверженно работают,

стремясь превратить детдом в родную семью детей, воспитатели. Никакими мерками нельзя сравнить уровень жизни воспитанников первых детских домов и современных детдомовцев. В 20-е годы ребятам из детдомов и присниться не могло то, что сейчас имеют их сверстники.

И все же... Когда мы думаем о современных детских домах, встает острый, больной вопрос, глубоко волнующий нашу общественность, всех советских людей.

В первые годы Советской власти, как и позже, в годы Великой Отечественной войны, в детских домах воспитывались в подавляющем большинстве осиротевшие дети. Их родители погибли, защищая Родину, умерли от голода, стали жертвами интервентов, белогвардейцев, фашистов. Память о них свято хранили в своем сердце ребяташки. Жизнь их отцов и матерей, их героическая смерть были примером для подражания. Дети росли, стараясь быть похожими на своих родителей. Бывший воспитанник детдома периода Великой Отечественной войны пишет: «В наше время стоило спросить кого-либо из ребят об отце, каждый с гордостью отвечал: «Пал смертью храбрых, защищая Родину». Вспоминали матерей: «Передовая работница — умерла в блокаду; была медсестрой, спасала раненых — убита; учительница — погибла в бомбежку...» И столько в этих словах было уважения к памяти павших! Нет, дети войны не были сиротами в полном смысле этого слова. Мы знали свои корни, свою родословную. Павшие оставались живыми, шли с маленьким человеком рядом, воспитывали своей преданностью Родине, наставляли, вели по трудным дорогам жизни»⁴.

А сейчас комнаты детских домов — уютных, красивых, богатых — заполняют дети, у многих из которых родители живы и здоровы. Нет в наше время нужды, заставлявшей некоторые семьи, как это было в суровые 1918—1921 годы, отдавать ребят в детдом, чтобы спасти их от

голода. Родители большинства детдомовцев или сами отказались от своих детей, или дети были отобраны у них, лишенных родительских прав, отобраны для того, чтобы спасти ребенка от фактической бездомности, заброшенности, губительного влияния. И какими бы ни были великолепными условия жизни воспитанников современных детских домов, какой бы лаской и заботой ни окружали ребятишек воспитатели, как бы щедро ни одаривали их шефы, подлинно счастливого детства они не имеют. И дело не только в том, что живет в детских домах тоска по материнской и отцовской ласке. Такая тоска была у всех поколений детдомовцев. Но прежде всего в том, что она сопряжена с гневом, болью, обидой. Дети понимают, что они лишены семейного тепла не в силу грозных событий, испытаний, постигших всю страну, а по воле опустившихся людей. Чувство обиды, одиночества преследует подрастающих детей, накладывает губительный отпечаток на их психику.

Как тяжело читать появляющиеся иногда в местных газетах адресованные в никуда письма детдомовцев с одним призывом: помогите мне найти маму! А мамы-то их и знать не хотят.

И глубоко правы те советские люди, которые с искренним негодованием, возмущением поднимают голос против таких «мам» и «пап», если можно применить к ним эти святые слова, требуют всеми силами и средствами пробудить в них сознание долга перед детьми.

Детские дома первых лет республики, периода Отечественной войны сыграли свою благородную роль — спасли, воспитали, научили трудиться, быть достойными членами социалистического общества тысячи детей. Но как бы ни были хороши наши детские дома, с какой бы любовью ни вспоминали о них их бывшие воспитанники, вывод сейчас может быть только один: будущее не за детскими домами, будущее за крепкой семьей.

ИСТОЧНИКИ

Усыновила республика

- ¹ См.: Декреты Советской власти, т. 2, с. 358—359.
- ² См.: Алещенко Н. М. Московский Совет в 1917—1941 гг. М., 1976, с. 67.
- ³ Там же, с. 197.
- ⁴ Луначарский А. В. Приветственная речь на Всероссийском совещании детских домов и детских городков в 1926 г.— В сб.: Педагогика современного детского дома. М., 1927, с. 10.
- ⁵ См.: Алещенко Н. М. Московский Совет в 1917—1941 гг., с. 197.
- ⁶ Декреты Советской власти, т. 3, с. 363—364.
- ⁷ См.: Алещенко Н. М. Московский Совет в 1917—1941 г., с. 197, 198.
- ⁸ См.: Декреты Советской власти, т. 4, с. 336—339.
- ⁹ Дзержинская С. С. В годы великих боев. М., 1975, с. 368.
- ¹⁰ См.: Алещенко Н. М. Московский Совет в 1917—1941 гг., с. 327.
- ¹¹ Дзержинская С. С. В годы великих боев, с. 368.
- ¹² Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг. М., 1954, с. 333.
- ¹³ Дзержинская С. С. В годы великих боев, с. 375.
- ¹⁴ Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М., 1928, с. 77.
- ¹⁵ Крупская Н. К. Пед. соч.: В 6-ти т. М., 1978, т. 2, с. 211 (далее ссылки даются на это издание).
- ¹⁶ Макаренко А. С. Пед. соч.: В 8-ми т. М., 1983, т. 1, с. 128 (далее везде ссылки даются на это издание).
- ¹⁷ См.: Крупская Н. К. Пед. соч., т. 2, с. 165—166.
- ¹⁸ См.: Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью, с. 74.
- ¹⁹ См.: Крупская Н. К. Пед. соч., т. 2, с. 166—167.
- ²⁰ Рабочая Москва, 1923, 5 мая.
- ²¹ Там же, 3 мая.
- ²² Там же.
- ²³ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3, с. 114.
- ²⁴ Макаренко А. С. Пед. соч., т. 4, с. 23.
- ²⁵ Вестник просвещения, 1923, № 4, с. 167—168, 182.
- ²⁶ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, т. 2, с. 444.
- ²⁷ Семашко Н. А. Незабываемый образ, М., 1971, с. 12, 13.

- 28 См.: Декреты Советской власти, т. 5, с. 196—197, 277—278.
- 29 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 244, 467.
- 30 Там же, с. 275; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 7, с. 32, 39, 50.
- 31 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 7, с. 36, 56, 62.
- 32 Там же, т. 6, с. 41—42.
- 33 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 388.
- 34 Владимир Ильич Ленин: Биография. 4-е изд. М., 1970, с. 524.
- 35 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 11, с. 301, 353, 466.
- 36 Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1969, т. 3, с. 243—244.
- 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 195.
- 38 См.: Путь славных: Воспоминания ветеранов борьбы за Советскую власть. Киев, 1957, с. 226.
- 39 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 7, с. 572.
- 40 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 174.
- 41 Там же, т. 50, с. 201, 452. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6, с. 196.
- 42 Путь славных: Воспоминания ветеранов борьбы за Советскую власть, с. 226.
- 43 См.: Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1977, с. 286.
- 44 Ленин — товарищ, человек. М., 1963, с. 343—344.
- 45 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 12, с. 344.
- 46 См.: Дридзо Вера. Надежда Константиновна. М., 1979, с. 188, 189.
- 47 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 404—405, 700.
- 48 Там же, т. 38, с. 96.
- 49 Там же, т. 44, с. 337.
- 50 Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью, с. 59.
- 51 Макаренко А. С. Пед. соч., т. 4, с. 23.
- 52 См.: О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском: Воспоминания, статьи, очерки современников. М., 1977, с. 153—154.
- 53 Там же, с. 295—296.
- 54 Дзержинская С. С. В годы великих боев, с. 372.
- 55 Калинина А. Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью, с. 50—51.
- 56 Там же, с. 57.
- 57 О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском: Воспоминания, статьи, очерки современников, с. 148, 149.
- 58 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 10, с. 14.
- 59 См.: Вспоминают кремлевские курсанты. М., 1963, с. 45.
- 60 Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. М., 1965, с. 282—283.

- ⁶¹ **Калинина А. Д.** Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью, с. 60.
- ⁶² См.: Надежда Константиновна Крупская: Биография. М., 1978, с. 169.
- ⁶³ **Крупская Н. К.** Пед. соч., т. 2, с. 10, 11, 12.
- ⁶⁴ Там же, с. 260.
- ⁶⁵ Там же, т. 3, с. 117.
- ⁶⁶ Там же, т. 2, с. 13, 14.
- ⁶⁷ Там же, с. 108.
- ⁶⁸ Там же, т. 3, с. 402.
- ⁶⁹ Там же, т. 2, с. 313.
- ⁷⁰ Там же, с. 211.
- ⁷¹ Там же, т. 3, с. 401.
- ⁷² Ленин — товарищ, человек, с. 344.
- ⁷³ См.: Филатов Александр. Дом моего детства. М., 1970, с. 9—11, 49—50.
- ⁷⁴ См.: **Крупская Н. К.** Пед. соч.: В 10-ти т. М., 1959, т. 5, с. 398.
- ⁷⁵ См.: Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской. М., 1979, с. 249—250.
- ⁷⁶ **Крупская Н. К.** Пед. соч., т. 6, с. 21.
- ⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 202.
- ⁷⁸ Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг., с. 261.
- ⁷⁹ См.: **Калинина А. Д.** Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью, с. 37.
- ⁸⁰ Рабочая Москва, 1921, 14 сентября.
- ⁸¹ Коммунистический труд, 1920, 17 декабря.
- ⁸² Там же, 9 декабря.
- ⁸³ **Дзержинский Ф. Э.** Избранные произведения: В 2-х т. М., 1977, т. 1, с. 320, 321.
- ⁸⁴ Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг., с. 370—371.
- ⁸⁵ Рабочая Москва, 1923, 1, 2, 23 мая.
- ⁸⁶ Там же, 3 мая.
- ⁸⁷ См.: Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография, с. 288.
- ⁸⁸ См.: Завод на Усачевке. М., 1970, с. 40—41.
- ⁸⁹ Имени Парижской коммуны. М., 1977, с. 43—44.
- ⁹⁰ **Крупская Н. К.** Пед. соч., т. 3, с. 69.
- ⁹¹ Вестник просвещения, 1923, № 4, с. 212.
- ⁹² **Крупская Н. К.** Пед. соч., т. 2, с. 197.
- ⁹³ За детский дом против уличной беспризорности. М., 1931, с. 3, 4.
- ⁹⁴ Листовки Московской организации большевиков 1914—1925 гг. с. 371.

Стал домом родным

- ¹ Декреты Советской власти, т. 3, с. 377.
- ² См.: Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917—1920 гг. М., 1958, с. 173.
- ³ Луговская Т. Я помню. М., 1983, с. 84, 86.
- ⁴ См.: Вестник просвещения, 1924, № 23, с. 101—103.
- ⁵ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Вып. 1, М., 1947, с. 39.
- ⁶ Там же, с. 44.
- ⁷ Там же, с. 249.
- ⁸ Там же, с. 256.
- ⁹ Вестник просвещения, 1923, № 2, с. 117.
- ¹⁰ Там же, 1924, № 5—6, с. 109.
- ¹¹ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 2, с. 313.
- ¹² Школа-коммуна Наркомпроса: Сборник, М., 1924, с. 5.
- ¹³ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3, с. 117, 54.
- ¹⁴ Школа-коммуна Наркомпроса: Сборник, с. 32.
- ¹⁵ Автухов И. Г. Детский дом. М., 1923, с. 10—11.
- ¹⁶ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3, с. 403.
- ¹⁷ Там же, т. 2, с. 363; т. 3, с. 54—55, 116.
- ¹⁸ Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской, с. 198—199.
- ¹⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983, т. 2, с. 112—113.
- ²⁰ Декреты Советской власти, т. 7, с. 50.
- ²¹ Школа-коммуна Наркомпроса: Сборник, с. 128—129.
- ²² Из воспоминаний, хранящихся у автора.
- ²³ Луговская Т. Я помню, с. 152—153.
- ²⁴ Вестник просвещения, 1929, № 6, с. 59, 63.
- ²⁵ Там же, 1923, № 5—6, с. 119.
- ²⁶ См.: Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3, с. 115.
- ²⁷ Звезда, 1976, № 6, с. 51.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3, с. 115, 403.
- ³⁰ Луговская Т. Я помню, с. 148—149.

Сохраняя лучшее

- ¹ Человек и закон, 1984, № 10, с. 45.
- ² Там же, № 5, с. 33.
- ³ Там же, с. 32.
- ⁴ Там же, № 10, с. 45.

СОДЕРЖАНИЕ

Нас воспитала Родина	3
УСЫНОВИЛА РЕСПУБЛИКА	9
Это было спасением	9
Владимир Ильич	28
Феликс Эдмундович	39
Надежда Константиновна	45
Тепло рабочих сердец	56
СТАЛ ДОМОМ РОДНЫМ	69
Росли в труде	69
Управляли своим домом	81
Жили жизнью страны	92
Умели отдыхать и дружить	111
Сохраняя лучшее	121
Источники	125

Анна Павловна Хмельницкая

СПАСЕННОЕ ДЕТСТВО

Заведующая редакцией А. Спицына
Редактор Л. Веселова
Художник Ф. Барбышев
Художественный редактор В. Горин
Технический редактор О. Иванова
Корректоры Л. Шандарина, Е. Кортаева

ИБ № 3430

Сдано в набор 08.07.86. Подписано к печати 30.09.86. Л55149. Формат 70×108^{1/2}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 5,86. Уч.-изд. л. 6,05. Тираж 39 000 экз. Заказ 2040.
Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

А.П.ХМЕЛЬНИЦКАЯ

СПАСЕННОЕ ДЕТСТВО

...Детская беспризорность — огромное, не поддающееся одиночным усилиям общественное зло.

Это зло унаследовано нами еще от старого строя. А война, голод, эпидемии сделали сиротами новое громадное количество детей и выкинули их на улицу.

В борьбе с этим злом нужна не милостыня, а сознательная, организованная помощь всех, кому дорого будущее России.

Из листовки
Московского губернского комитета
по проведению недели охраны
материнства и младенчества.
1923 г.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

20 коп.